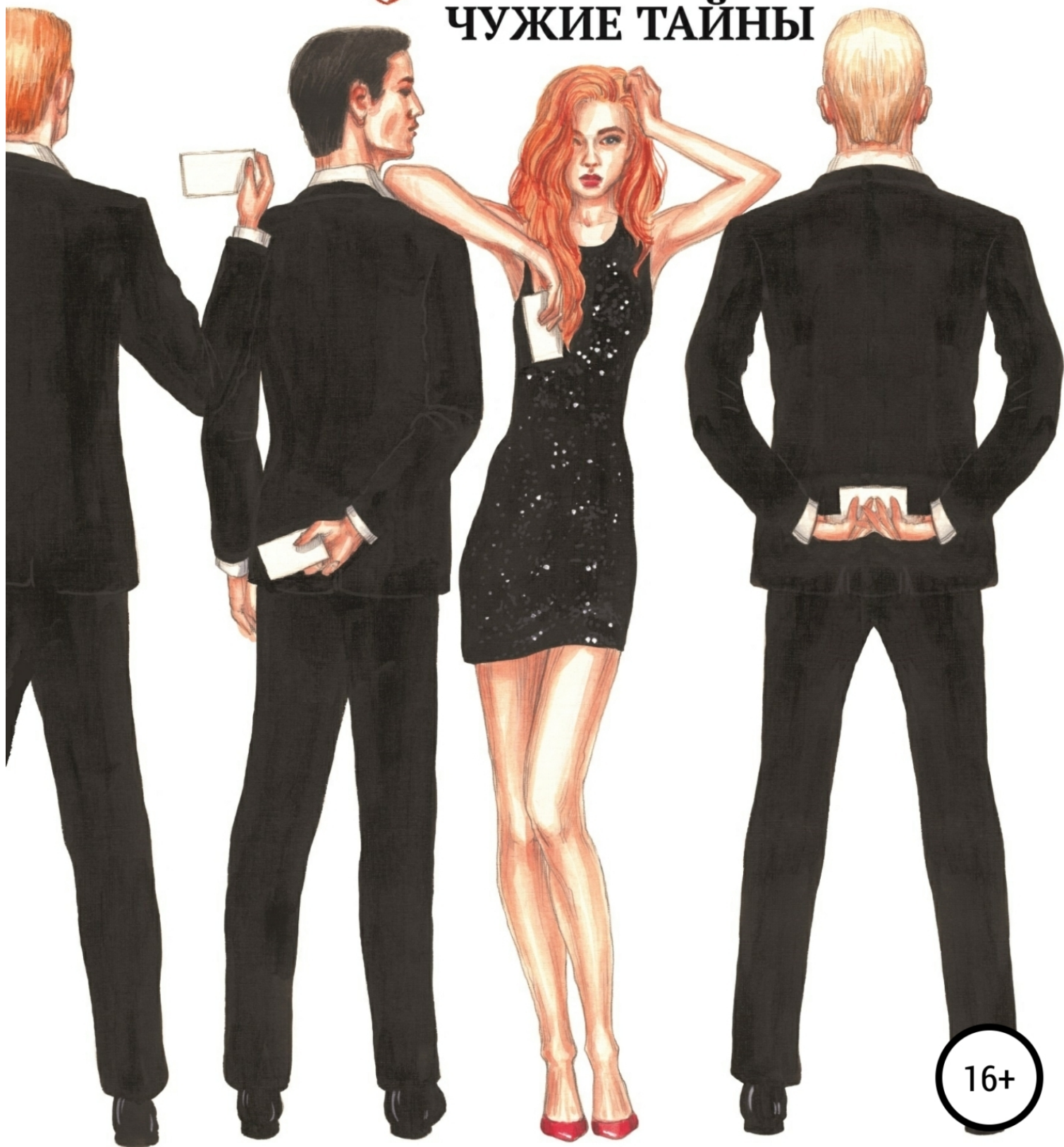

МИРОСЛАВА ЧАЙКА

Флиртная западня

часть первая

ЧУЖИЕ ТАЙНЫ

16+

Мирослава Чайка

**Элитная западня. Часть
первая. Чужие тайны**

«Автор»

2021

Чайка М.

Элитная западня. Часть первая. Чужие тайны / М. Чайка —
«Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96806-6

Что может быть увлекательней, чем первый год обучения в престижном университете? Только существование в нем закрытой студенческой организации, участникам которой обеспечен успех в будущем. Две подруги детства Ева и Лана совсем не похожи друг на друга, но обе мечтают преуспеть в новом обществе. Яркий калейдоскоп из обаятельных парней, захватывающих испытаний и шумных вечеринок закружит девушек в водовороте беззаботной студенческой жизни. Но смогут ли они распознать истинную любовь и сохранить дружбу в паутине чужих тайн и интриг?

ISBN 978-5-532-96806-6

© Чайка М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Посредине мира	5
Глава 2. Сюрприз за сюрпризом	14
Глава 3. Принцесса Греза	23
Глава 4. Ящик Пандоры	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мирослава Чайка

Элитная западня. Часть первая. Чужие тайны

Глава 1. Посредине мира

Солнце было таким ярким и теплым, что слепило глаза, даже сквозь опущенные веки и соломенную шляпу, которая лежала на лице Евы. Оно ласково окутывало ее тело своими лучами, словно давая понять, что она часть чего-то громадного, вселенского. Вокруг плескались волны, заливисто щебетал свиристель, приятно стрекотали большие стрекозы, мысли путались, превращаясь в волшебные фантазии, и в голове девушки возникла строчка стихов Арсения Тарковского, которую она повторила много раз подряд, как заклинание: «Я человек, я посредине мира». Еве уже начало казаться, что она сиротливая, плавающая между галактик планета, как вдруг она ощутила большую мужскую ладонь, которая дотронулась до ее маленькой ручки. Евино плечо коснулось мускулистой сильной руки, напоминая девушке, что она в лодке не одна, и эта такая приятная земная мысль не давала ее сознанию заблудиться в ледяных просторах космоса.

Ева в модном белом платье в пол из кружева ришелье, напоминающем крестильную рубашку, лежала на дне большой зеленой лодки, весла которой торчали с двух сторон, еле удерживаемые креплениями, в центре небольшого живописного озера, заросшего нимфеями. Ее лицо было прикрыто широкополой соломенной шляпой, а рядом, закрыв глаза темными солнечными очками, лежал атлетически сложенный юноша в светлых теннисных шортах, футболке, плотно обтягивающей рельеф торса, и белых мокасинах на загорелых ногах. Все на нем так хорошо сидело, и весь образ был каким-то излишне продуманным, что так и казалось, будто он только сошел с подиума, где представлял модную круизную коллекцию. Молодые люди лежали, пригвождённые солнечными лучами, держась за руки, потеряв счет времени и связь с реальным миром, погружившись в грезы, переходящие в мимолётный сладкий сон.

Вдруг послышались упругие шаги по деревянному причалу, они эхом отзывались в нереальной тишине, нависшей над озером, и до Евиного слуха донесся голос Ланы, которая громко кричала, думая, что молодые люди в лодке уснули:

– Ева, Герман, ребята ловушки достали, столько рыбы поймалось, мы решили ее выпустить, так что поторапливайтесь, если хотите увидеть эту красоту.

На берегу началась суматоха, послышались веселые голоса, всплески воды и громкий смех. Ева села и слегка прищурила глаза из-за большого количества света, которое дарило полуденное солнце, улыбнулась, смотря на своих друзей. Они столпились на совершенно новом узеньком пирсе, сколоченном из свежих сосновых досок, и с большим интересом заглядывали в сетчатые ловушки, только что вытасканные из воды. Парни пугали девушек большими рыбинами, дотрагиваясь до их нежной кожи скользкими телами озерных линей, а девушки визжали то ли от удовольствия, то ли от отвращения – было сложно понять, потому что их лица светились неистойвой радостью. Рыжеволосый юноша, лицо которого было испещрено мелкими еле заметными веснушками, помахал Еве рукой и, показывая небольшую рыбу, прокричал:

– Ева, плывите скорее сюда! Мы выловили золотую рыбку, можешь загадать желание.

Ева, смеясь, посмотрела на темно-серую рыбу, напоминающую соленую селедку, только с оранжевыми плавниками и хвостом, и звонко закричала в ответ:

– Мы сейчас! Попросите ее подождать.

Она поймала себя на мысли, что счастлива. Таким невероятным и одновременно простым было это ощущение, что если бы золотая рыбка и вправду существовала, то Ева бы непременно попросила оставить ей новых друзей навсегда. Еще раз остаться одной стало бы для нее настоящей трагедией. Когда распался Союз стального кольца, Еве казалось, что все в ее жизни серо, безрадостно и полно сожалений о прошлых ошибках.

За десять месяцев до этого солнечного дня Ева с Ланой готовились к первому учебному дню на одном из самых престижных факультетов – факультете международных отношений, куда, к счастью, обе с легкостью поступили. Несколько недель они тщательно продумывали наряды, покупали тетради и ручки, планшеты и телефоны. Только Ева делала это, на полдня приезжая в Милан с виллы, которую занимала ее семья на озере Комо, а Лана прохаживалась по магазинам Петербурга в надежде найти что-нибудь недорогое, но при этом хоть как-то подходящее на модную одежду предстоящего сезона. И когда утром первого сентября Лана уже закрывала свою входную дверь, застегивая полы двубортного дымчатого в тонкую полоску брючного костюма, приглаживая густые черные волосы, Ева еще стояла у зеркала, размышляя над своим нарядом. Для триумфального появления в новом обществе она выбрала синий жакет с золотыми пуговицами, имитирующий морской китель, юбку в складку и, взяв сине-белую сумочку на золотой цепочке, уже готова была выйти из квартиры, как вдруг подумала, что в этом наряде похожа на вчерашнюю школьницу. Девушка тут же вернулась и сменила белый шелковый топ, который слегка выглядывал из-под жакета, на тельняшку, плотно облегающую ее фигуру. На сумочку она повязала маленькую косынку с морской набивкой в виде золотых цепей, сине-красных якорей и флагов. Образ завершали сильно вырезанные красные туфли, которые выгодно демонстрировали изогнутый подъем, делая ее загорелые ноги еще длиннее. Думала ли Ева, что «встречают по одежке», или просто чувствовала себя увереннее в красивой одежде, как в броне, сказать было сложно, но, скорее всего, она считала, что хороший наряд еще никому никогда не навредил, а вот плохой – наверняка. И дело тут было вовсе не в наличии денег или их отсутствии – Ева постаралась бы создать незабываемый образ, даже если бы в ее распоряжении были только ветки и листья.

Девушки договорились встретиться у университета, чтобы прийти туда вместе, но Ева попросила водителя остановить машину немного подальше, чтобы пройтись и собраться с духом. Она не могла понять, почему ее охватило волнение. Раньше первого сентября Ева с большой радостью шла в школу, предвкушая встречу с любимыми друзьями и хорошо знакомыми учителями, заранее зная, что ее там ожидает, а сегодня все было чужим и неизведанным. Остановившись у светофора, она не стала переходить дорогу, а стояла и робея смотрела на серое величественное здание, застывшее в своей значительности. Еве предстояло провести в нем ближайшие шесть лет, и она гадала, что сулила ей эта громада камня и стекла, к центральному входу которой вереницами стекались студенты, как муравьи к своему муравейнику. Может, это мрачное здание молчаливо предупреждало ее об опасности, а может, торжественно приветствовало ее будущий успех, это Еве еще предстояло выяснить. Она неуверенно ступила на черно-белую зебру пешеходного перехода, начав неотвратимое движение к новой истории, избежать которой она все равно бы не смогла. У входа Ева наконец заметила взволнованную Лану.

– Слава богу, ты здесь! Я думала, что сейчас грохнусь в обморок от волнения и толпа затопчет меня, как обертку от конфетки, – нервно хихикая, заявила Лана, целуя подругу в щеку.

– Если будем следовать моему плану, то через пару месяцев станем так популярны, что даже если ты потеряешь сознание, толпа вынесет тебя на руках, как рок-звезду, – приободрила Лану Ева, поправляя брошку на лацкане ее жакета.

Спустя пару минут девушки с трепетом и радостью, которые знакомы только первокурсникам, зашли в университет, еще не подозревая, что он оправдает равно как все их ожидания,

так и все страхи. Они плыли в плотном потоке студентов, который у проходной превращался в настоящее столпотворение из-за низкой пропускной способности вертящихся турникетов-триподов. Подруги поглядывали по сторонам, рассматривая незнакомое помещение, а потом улыбаясь посмотрели друг на друга и уже хотели взяться за руки, но решили, что этот жест будет выглядеть уж очень по-детски, остановили свой порыв и рассмеялись. Когда подошла Евина очередь и она, прокрутив рычаг турникета, прошла мимо охраны, демонстрируя свой студенческий билет, то услышала вдогонку, как ее окликнул приятный мужской голос:

– Девушка, вы уронили.

Ева обернулась и увидела молодого мужчину в белой хорошо отутюженной рубашке и черном галстуке со специальным зажимом. Он слегка улыбался, только уголками рта, и протягивал шелковую косыночку, которую она так искусно повязала себе на сумку, стоя дома у огромного зеркала.

– Спасибо, – забирая косынку, проговорила девушка, слегка кивнув своей кукольной головкой, а потом повернулась к подруге и еле слышно добавила: – Здесь все такое замечательное, даже охранники милые.

– А я не просто охранник, я начальник охраны, – вдруг услышала Ева и обернулась.

Молодому человеку были приятны слова, сказанные красивой девушкой, и он, широко улыбаясь, посмотрел на нее добрыми глазами.

– Меня зовут Адам, а вас?

– А меня Ева, – ответила девушка и слегка пожалала плечами, недоумевая такому совпадению.

Но юноша вдруг стал серьезным, улыбка стерлась с его лица, и в глазах промелькнула тень обиды, он привык за двадцать пять лет своей жизни, что многие подтрунивали над его ярким библейским именем. «Ева она, надо же такое сочинить», – подумал юноша и обиженно отвернулся, а девушки, не замечая его волнения, весело помчались вверх по лестнице к расписанию, чтобы выяснить, в какую аудиторию им направиться.

На втором этаже было многолюдно, пестрая толпа смешливых беззаботных молодых людей сновала из стороны в сторону, и подруги всё-таки схватились за руки, чтобы не потеряться в этом неистовом водовороте. Тут их остановила высокая фигуристая дама в красивом костюме, который был пошит из тончайшей серой шерсти и придавал ее и без того статной фигуре еще большую монументальность.

– Вы из какой группы? – спросила дама и окинула внимательным взглядом, как ей показалось, растерявшихся первокурсниц, которые выглядели совсем еще девочками.

– Из 112.

– Это хорошо, вам сейчас нужно подняться на третий этаж, там собирается ваша группа, а в десять часов – торжественное открытие учебного года в большом актовом зале, – потом дама объясняла что-то про фотографирование на пропуск, при этом внимательно смотрела только на Лану, как будто Евы совсем не существовало. И уже когда разговор был окончен, она скользнула взглядом по очаровательному Евиному лицу и, обратившись к Лане, которая хлопала своими крошечными глазками за стеклами немодных очков, добавила:

– Объясни, пожалуйста, все своей подруге, она, по-моему, ничего не поняла.

Ева была в шоке, первый раз она столкнулась с такой дискриминацией по отношению к ее внешности, первый раз ей так откровенно дали понять, что ее огромные глаза с выгнутыми ресницами, копна блестящих каштановых локонов и идеальный французский маникюр никак не вяжутся с умом и сообразительностью.

Девушки быстро поднялись еще на один этаж, где обнаружилось, что ни красавица Ева, ни ее подруга с внешностью «ботаника» так и не смогли понять, куда им нужно идти. Они несколько раз безрезультатно прошли по коридору и, недолго думая, открыли первую попавшуюся дверь наугад. Их взору открылось огромное помещение, залитое солнцем, до отказа

набитое девушками, которые негромко переговаривались, некоторые даже шептались, неуверенно поглядывая друг на друга.

– Это какая группа? – выпалила Лана, замирая у входа.

– 110, психология, – кто-то громко выкрикнул из середины зала, и подружки, так и не поняв, кому принадлежал этот резкий голос, быстро выбежали в коридор.

– Фуф, хорошо, что не наша, а то столько девчонок на один квадратный метр я бы точно не пережила, – с облегчением произнесла Ева, и они с Ланой громко расхохотались.

Когда подружки все же нашли нужную аудиторию и, сев в последнем ряду, начали рассматривать своих новоиспеченных одноклассников, Ева наконец снова стала сама собой. Появились уверенность, легкая надменность, все переживания и волнения скрылись под маской невозмутимого безразличия. Она неторопливо обвела глазами сидящих впереди молодых людей, которые уже начали знакомиться, делиться на небольшие группы, переговариваться, но были и такие, которые сидели в безмолвном одиночестве.

– Хорошо, что мы с тобой вместе, а то я бы, наверное, все время была, как вон тот парень в углу, – одинокая, с грустным лицом, – шёпотом произнесла Лана, кивнув в сторону молодого человека в черном пиджаке, обладателя густой рыжей шевелюры.

Ева в это время прислушалась к разговору, который вели молодые люди, сидящие прямо перед ними. Они почему-то обсуждали домашних животных, чем очень повеселили ее, но, когда высокая девушка с длинными волосами, окрашенными в сиреневый цвет, рассказала, что у нее дома живет ворон, Евиному удивлению не было предела.

– Настоящий? – переспросил юноша, сидящий рядом с обладательницей странного питомца.

– Конечно, настоящий, черный как смоль, а когда расправит свои огромные крылья, да как каркнет, так дрожь по коже идет.

«Жуть», – подумала Ева и внимательно посмотрела на юношу, которому все пытались что-то рассказать, заискивающе заглядывали в глаза, поворачивая в его сторону свои юные головки, и повсюду было слышно:

– Тебя как зовут?

– Саша.

– Это ты Саша? Очень приятно!

– Саша, а ты когда-нибудь держал в руках настоящего ворона?

В какой-то момент Еве показалось, что все вокруг зашипели, как спрятанные под опавшими листьями змеи: «Саша, Саша, Саша». Она покачала головой, сложив свои пухленькие губки в ироничной усмешке, глядя в затылок этого жгучего брюнета, и хотела что-то спросить у Ланы, как обладатель имени Саша вдруг будто почувствовал тяжелый Евин взгляд и обернулся, сверкнув на нее своими темными глазами, обрамленными черными ресницами и эффектными густыми бровями. Ева сделала совершенно безразличное лицо, но где-то глубоко внутри почувствовала щемящую тревогу. Что-то в этом взгляде было до боли знакомое, что-то будоражащее душу, вызвало всплеск приятного волнения.

– Как этот парень похож на Юру, тебе не показалось? – спросила Лана, будто потоком холодной воды обдавая Еву воспоминаниями.

Ева ничего не ответила, она перевела взгляд на преподавателя, появившегося в аудитории, и, узнав в ней даму, которая совсем недавно дала понять, что Еве придется очень потрудиться, чтобы завоевать ее уважение, достала из сумки белоснежный кожаный блокнот, сделав первую запись на его форзаце – «Соловьева Валентина Ивановна». Это была дама лет сорока пяти с модной короткой стрижкой, аккуратно уложенной в элегантную прическу, со строго смотрящими серо-голубыми глазами, а твердая поступь, громкий голос и две морщинки, лежащие между бровей, говорили о ее несгибаемой воле, твердом характере и вечной сосредоточенности. Валентина Ивановна предложила молодым людям как можно скорее назначить ста-

росту, чтобы они гурьбой не толпились в деканате, и, объявив, что будет преподавать у них политическую географию, экзамен по которой состоится уже на зимней сессии, вышла из аудитории.

Предоставленные самим себе ребята начали выбирать старосту, но так как были незнакомы друг с другом, все попытки что-то обсудить затухали, не успев разгореться, время шло, а выборы так и не сдвинулись с мертвой точки. Ева, которой уже изрядно надоело сидеть на одном месте, повернулась к подруге и, немного сощутив свои глаза, прошептала:

– Лана, а давай я предложу твою кандидатуру, нам не мешает свой человек в руководстве.

– Нет, ты что, я не могу, это весь день нужно будет улаживать какие-то дела, бегать к преподам, сверять расписание и еще куча всякой ерунды. Нет, такая ответственность не для меня.

– Да, ты права.

Ева изучающе посмотрела по сторонам, и ее взгляд упал на девушку, безучастно сидящую на их ряду немного поодаль, старательно что-то записывающую в блокнот. Она изредка поднимала глаза на окружающих, при этом выглядела очень сосредоточенной, а ровно, как под линейку, обрезанные волосы в жестком каре и нос с горбинкой делали ее образ старше смешливых первокурсников, заполнивших аудиторию. Ева уличила минутку, когда эта собранная девушка подняла глаза от блокнота, и мило ей улыбнулась.

– Тебя как зовут?

– Инга.

– А я Ева. Инга, мне показалось, ты очень серьезная и создаешь впечатления ответственной и обязательной, хочешь, я предложу твою кандидатуру на роль старосты?

– Ой, прямо как в театре, у меня будет своя роль, – засмеявшись, ответила Инга неожиданно болезненно-сиплым голосом, потом, немного поразмыслив, утвердительно кивнула головой и добавила: – А что, мне нравится эта идея.

Праздник в большом актовом зале был не менее торжественным и профессиональным, чем в Евиной старинной гимназии, а зал и вовсе покорила ее своим величием. Как только она перешагнула порог этого огромного помещения, залитого теплым светом, то сразу почувствовала себя в своей стихии. Зал напоминал маленький оперный театр, оформленный в лучших традициях 17-го века. Девушка подняла глаза, чтобы рассмотреть огромную люстру, и замерла от красоты потолочного плафона. Это было настоящее барокко. Нет, не просто барокко, а барокко наивысшего мастерства. Живописцы, создавая эту красоту, смогли изобразить иллюзию прорыва плоскости потолка, вместо которого можно было видеть небо, облака и летящие фигуры ангелов. Ева не стерпела, достала свой телефон и решила запечатлеть для Натали, как художник как бы отрицает прочность архитектуры и в то же время, сочетаясь с ней, изменяет её тектоническим принципам. Она стояла, погруженная в свои мысли, прижавшись к стене, в тени нависшего над входом бархатного балдахина и наблюдала за своими одноклассниками, оценивая, кто из них мог бы подойти на роль их с Ланой новых друзей. Неожиданно ее потянула за руку Лана:

– Ева, ты что стоишь здесь, как Александрийский столп, пошли к остальным.

Девушки быстро заняли свободные места в отведенном для них ряду, и Ева случайно задела локтем юношу, рука которого лежала на их общем подлокотнике.

– Извини, – еле слышно, как будто это он виноват в произошедшем, произнес молодой человек, широко улыбаясь, демонстрируя свои неестественно белые зубы, на одном из которых сиял прозрачный камешек, напоминая Еве стразы, которые ей иногда предлагали в маникюрном салоне прикрепить к ногтю.

«Вот это зубы!» – изумившись, подумала она, затем перевела взгляд на белесые ресницы и брови парня, они почти растворялись на его покрытом веснушками лице. Это был тот самый

рыжеволосый юноша, который, не вынимая наушников из ушей, держался в сторонке и не проронил ни слова с самого утра. Ева еще раз повернула в его сторону голову, а молодой человек как-то съежился под ее взглядом, потупил взор и на его бледном лице выступили два огромных красных пятна в тех местах, где у людей обычно живет румянец. Но Ева сразу же забыла о парне, которого так сильно смутила, всего лишь дотронувшись до него локтем. Она внимательно исследовала содержимое своей сумки в надежде найти ручку, чтобы сделать записи, и когда поняла, что ее там нет, расстроилась. Это была тонкая ручка с гравировкой и золотым пером. Натали вчера подарила ее Еве в память о начале студенческой жизни, вместе с блокнотом в белом кожаном переплете, и девушке не хотелось потерять подарок матери в первый же день учебы. Она начала судорожно вспоминать, где могла забыть ручку, а потом что-то шепнула на ухо Лане и, стараясь быть незамеченной, вышла из зала, поняв, что доставала ручку только в аудитории.

Выйдя в пустынный коридор, Ева тут же пожалела, что пошла одна. Она вспомнила, как на подготовительных курсах ребята обсуждали существование в этом университете секретного студенческого общества, в которое все мечтали попасть. Девушка представила себе, что сейчас к ней подбегут незнакомцы, наденут на голову мешок и потащат в сырой каменный подвал, где люди с факелами в руках и балаклавами на голове заставят ее проходить какие-то невыносимые испытания. Сердце бешено колотилось, заставляя быстрее бежать по роскошной мраморной лестнице. В считанные минуты достигнув двери кабинета, где час назад Ева слушала наставления Валентины Ивановны, она еще раз испуганно обернулась и наконец выдохнула. Затем осторожно приоткрыла дверь и вошла, в аудитории было светло и тихо. Ева огляделась, на столе ручки не было, она прошла по ряду, чтобы посмотреть на сиденье, когда услышала какую-то возню в районе кафедры. Белея от страха, Ева резко повернула голову в направлении шума и увидела худого долговязого юношу, который что-то доставал из открытой длинной панели, пристроенной под огромным монитором, занимающим большую часть стены за непомерно длинной трибуной. В этот момент молодой человек тоже заметил Еву, он дернулся от испуга, затем выпрямился, сплел свои длинные руки на груди и уставился на нее круглыми немигающими глазами. По всему его виду было понятно, что делал он что-то противозаконное и Ева застигла его врасплох. Так они стояли несколько секунд молча, глядя друг на друга. Когда Ева вдруг заметила ручку на полу, и, схватив ее, пулей выбежала в коридор.

Около четырех часов дня Ева с Ланой вышли на улицу и неспешным шагом направились к метро.

– Странно, – грустно произнесла Ева, – мы переехали на Крестовский, я поступила вуз, но ни тебе фейерверка радости, ни тебе безудержного веселья. В прошлом году в это время я праздновала начало учебного года с друзьями и готовила грандиозную вечеринку у себя дома, которую устраивала в сентябре много лет подряд, а сегодня я даже не знаю, чем себя занять.

– А что не так с новой квартирой? – удивленно спросила Лана.

– Понимаешь, она находится в трехэтажном доме, где люди давно живут вместе и знакомы между собой. Они при встрече приветствуют друг друга, как старые друзья, и так тесно общаются, что когда я выхожу во двор, то чувствую себя человеком, случайно попавшим в закрытый клуб. Кажется, что они все знают какую-то тайну и посвящать меня в нее не собираются.

– Не переживай, ты привыкнешь, – отозвалась Лана, но по ее голосу было ясно, что она совсем не понимает подругу. Она бы из-за такой ерунды точно не расстроилась. Переехать в самый престижный район Питера и вздохнуть по этому поводу – это уж слишком. Лана с самого рождения жила в многонаселенной коммунальной квартире, у нее никогда не было даже своей комнаты. А еще она знала, что, придя сегодня домой, будет придумывать, с чем скомбинировать брюки, которые надеты на ней сейчас, чтобы никто не догадался, что она пришла в том же наряде, что и накануне. А Ева переживала, что кто-то не так посмотрел ей вслед, когда она

вышла из своей двухсотметровой квартиры в одежде от лучших дизайнеров мира. Это было для Ланы странно и даже немного обидно, в такие минуты она испытывала к Еве чувство, напоминающее неприязнь, которая удивительным образом уживалась в ней с безграничной любовью и преданностью подруге.

– Ну, как тебе наши одноклассники? – задумчиво приподнимая свои идеально откорректированные брови, спросила Ева, прервав ее размышления.

Лана улыбнулась, потом закатила вверх темные слегка раскосые глаза и смеясь выпалила:

– Это что-то с чем-то, ну номер один, конечно же, Саша. Первый день, а вокруг него уже такой ажиотаж, говорят, он сын какого-то олигарха или шейха, я не запомнила, – рассмеялась залиvisto Лана. – А девчонка с вороной – тоже кадр, как представлю огромную птицу на плече, которая выдергивает ее сиреневые волосы, так даже боюсь, что мне этот кошмар приснится ночью.

– А знаешь, что я видела? Помнишь парня, который все бродил в одиночестве, рыженький в веснушках? Так вот он сидел со мной рядом в актовом зале, и я заметила, что у него в переднем резце вставлен бриллиант.

– Бриллиант в зубе – это зачем, для понтов?

– Наверное.

Мгновение спустя Ева радостно захлопала в ладоши, словно маленькая девочка, и, забыв про своих новых знакомых, воскликнула:

– Я придумала, чем мы сейчас займемся! В нашем районе есть парк «Тихий отдых», вокруг него вся местность изрезана каналами, красота неопишуемая. Так вот, самое интересное, что сейчас вместо рыбы в этих каналах водятся сапсерферы. Мы с мамой недавно тоже купили себе сапборды. Поехали кататься, смотри, какая погода чудесная!

– Сапсерф? Это когда стоишь на красивой доске и отталкиваешься веслом? Круто, помчалась, – бодро почти прокричала Лана и, уже не боясь чужих взглядов, схватила Еву за руку, и они радостные вошли в метро.

Не прошло и часа, как девушки облачились в гидрокостюмы, которые эффектно обтягивали их стройные юные тела, уселись в тени огромных полувековых лип на берег, заросший аккуратно подстриженной травой, и начали обертывать вокруг своих тоненьких щиколоток так называемый лиш. Эти лиш соединялись поводком с яркими, расписанными в стиле супрематизма, досками. Рядом расположилась небольшая компания подростков, игравшая в волейбол. По всему было видно, что они давно знакомы, скорей всего, школьники старших классов. Ребята смеялись, радуясь каждому отбитому мячу, мальчишки все время беспричинно толкали друг друга, а девочки то и дело обнимались и с обожанием поглядывали на нескладных парней. Они радостно выкрикивали имена друг друга и пили колу из одной бутылки. Ева, глядя на весело играющих подростков, подумала, как хорошо быть ребенком, как легко общаться и строить отношения, когда тебе еще нет и пятнадцати. Ты повстречал своего друга в песочнице и, несмотря ни на что, общаешься с ним много лет. Или сидел в первом классе за одной партой, и теперь вы закадычные друзья. А может, ваши мамы познакомились в роддоме, и вы, сами того не замечая, со временем стали не разлей вода. А она теперь взрослая и хорошо понимала, что сделать окружающих ее людей своими друзьями будет не так легко.

– Ева, ты так и не сказала, как тебе Саша, – спросила Лана, и загадочная улыбка проскользнула по ее лицу.

– Саша – немодное имя, когда он станет нашим другом, я буду называть его Алексом, и весь наш союз заставлю его так называть.

– У нас будет новый союз?

– А ты что думаешь, мы теперь до конца жизни будем грустить в одиночестве? – удивленно глядя на подругу, спросила Ева.

– И как ты собираешься создать этот новый союз?

– Еще пока не знаю, – вставая, ответила Ева и, взяв свою доску, отправилась к воде, – но обязательно придумаю, – прокричала она, удаляясь, – я обещаю!

Сразу встать в полный рост и поплыть девушки побоялись. Они осторожно забрались на трехметровый сап, уместились на колени и, гребя веслом вдоль борта, отчалили от берега. Подруги радостно оглядывались по сторонам, и казалось, что так несмело, но очень воодушевленно они плывут на ярких экстравагантных досках навстречу новым приключениям.

Глава 2. Сюрприз за сюрпризом

В то время, когда Ева с Ланой увлеченно осваивали азы сапсёрфинга, Саша, которого все первокурсники приняли за богатого наследника и мажора, открыл дверь своей крохотной квартирке в панельном доме и прямо с порога громко объявил: «Пап, я дома!» – потом направился на кухню, где, сидя на узком застекленном балконе, заставленном шкафами цвета венге, его, как обычно, дожидался отец. Юноша держал в одной руке увесистую сумку, с какими обычно ходят профессиональные игроки в большой теннис, а в другой бумажный стаканчик с ароматным кофе.

– Что-то ты рано, я думал, первый день студенческой жизни у тебя займет гораздо больше времени, – добродушно, скрипучим старческим голосом произнес красивый седой мужчина, сидящий в кресле рядом с небольшим мольбертом.

– Да что там было делать, день впустую, ни одной новой мысли, сплошная суета, – садясь на раскладной кожаный стул, ответил Александр и протянул отцу кофе.

Мужчина открыл крышку, втянул носом прозрачный пар и, блаженно прикрыв глаза, сделал первый глоток, потом несколько раз причмокнул губами и с наслаждением произнес:

– Ну а что девушки, ты познакомился с кем-нибудь?

– Пап, при чем здесь девушки? Я столько готовился и мечтал об этом факультете, что не собираюсь тратить время на девушек.

– Ну все-таки, неужели совсем никто не понравился? Не томи, расскажи старику.

– Никто, я на них не обращаю внимания, – спокойно ответил Александр и, взяв поводок, обратился к старому лохматому псу, который лежал у ног его отца: – Акрил, пошли гулять.

Собака нехотя поднялась и, вяло перебирая лапами, отправилась к двери, всем своим видом пытаясь показать, что стара уже для прогулок. А юноша шел и думал, что сказал отцу неправду. Он на самом деле обратил внимание на одну девушку, настолько красивую, что она врезалась в его память с неистовой силой. Всю дорогу домой, трясясь в дряхлом трамвае, Саша неустанно думал о ее глазах. Они были настолько блестящими и притягательными, что сразу затянули все его существо в бездонную глубину своих темных озер. Правда, он не знал, какая у этой девушки фигура, не смог бы рассказать, во что она была одета, он даже не знал ее имени, потому что ни разу больше не посмел посмотреть в ее сторону, да и не хотел давать повод думать, что она его заинтересовала. Но что Саша еще помнил кроме ее глаз, так это губы. Губы, такие чувственные, нежные, если у других они обычно блестели и были гладкими, то губы этой особы были словно вытканы из тончайшего панбархата теплого розового цвета с мягкой каймой по краю. Он смотрел на нее всего мгновение, но этого хватило, чтобы эти доли секунд будоражили его воображение снова и снова. Саша искренне надеялся, что это наваждение вскоре рассеется, и он сможет сосредоточиться на учебе.

Пожилой отец Александра, глядя вслед уходящему сыну, пребывал в недоумении, как же они были непохожи друг на друга. Ему было сложно представить, что в таком возрасте Саня только и делал, что учился, а в свободное время размышлял о карьере и строил с матерью планы на будущее. Ни тебе свиданий, ни друзей, да что там говорить, он, наверное, в свои восемнадцать даже не нюхал алкоголя и хоть бы для интереса подержал в руках сигарету. Конечно, мужчина никогда не озвучит сыну свои мысли, а только будет сидеть и вспоминать молодость. Ах, что там молодость, когда ему было пятьдесят лет, он на курорте встретил Машеньку, совсем юную, влюбился без памяти и смог завоевать ее сердце. Теперь вот уже двадцать лет они вместе, растят этого чудо-ребенка, положив на это всю свою жизнь, может, поэтому он получился такой умный и целеустремленный. Мужчина тяжело вздохнул и, повернувшись к мольберту, вернулся к работе, уносящей его в мир грез, которые оживали под его кистью, рождая радостные пейзажи, сочные натюрморты и очень точные портреты.

Утро следующего дня Евы началось со странного происшествия. Переступив порог аудитории, она заметила, что ее одноклассники уже все были в сборе и, рассаживаясь по местам, что-то бурно обсуждали. Девушка еще не успела узнать у Ланы, что произошло, как в дверях появился преподаватель информатики и Соловьева, которая сразу взяла слово:

– Здравствуйте. Обычно я начинаю свой день, приветствуя студентов словами «доброе утро», но первый раз за время работы в этом вузе я вынуждена сказать «здравствуйте», так как добрым это утро вряд ли можно назвать. Дело в том, что вчера кто-то украл аккумулятор большой мощности, который питает всю нашу видеосистему. Видите, вот этот огромный монитор, он соединён с экранами, которые встроены в ваши столы, но, к сожалению, воспользоваться теперь ими вы не сможете...

Валентина Ивановна еще что-то говорила, но Ева внимательно смотрела на парня с длинными волнистыми волосами, зачёсанными назад. Именно его она видела вчера в этой аудитории как раз возле панели, в которой и был установлен исчезнувший аккумулятор. Сейчас он сидел у окна, слегка склонив голову, и исподлобья пристально наблюдал за вошедшей девушкой. В какой-то момент их глаза встретились, юноша не выдержал Евиного укоризненного взгляда, весь вспыхнул, заливаясь краской, и потупил взор. Ева не знала, что ей делать, конечно, она не собиралась сейчас во всеуслышание объявлять, что знает, кто вор, потому что могла ошибаться, поэтому, как только Соловьева вышла из аудитории, она достала свой планшет, ручку, тетрадку и решила не делать поспешных выводов, а спокойно приступить к лекции по информатике.

На перерыве, спускаясь по парадной лестнице, Ева, держась за перила, любовалась своими новыми белыми часам с крупным циферблатом, которые отлично гармонировали с кружевными манжетами ее белой блузки, и тут почувствовала, что ее, обгоняя, кто-то задел плечом. Это, перепрыгивая через две ступеньки, быстро передвигая свои непомерно длинные ноги, бежал юноша, которого она теперь считала воришкой. Молодой человек приостановился и, глядя на Еву через плечо, небрежно бросил:

– Спасибо.

– За что? – слегка прищурился глаза, спросила девушка.

– Сама знаешь за что.

– Не забудь все вернуть, – строго произнесла Ева ему вдогонку.

– Что вернуть? – засмеялся юноша, остановившись и преградив ей дорогу, как будто играл с ней в несуществующую игру.

– Сам знаешь что, – ответила девушка и, оттолкнув его, продолжила свой путь.

Но не успела она дойти до первого этажа и осмыслить происшествие с аккумулятором и долговязым одноклассником, как ее настиг еще один сюрприз. На последних ступеньках стояла староста, держа в руках стопку листов с напечатанным списком учебников, которые нужно было получить в библиотеке. Сегодня Инга была будто другим человеком и походила на японку из мультика в гольфах, мини-юбке и берете. Сейчас Ева вряд ли бы предложила ей роль старосты, а ведь вчера она была в бадлоне и предельно строгом костюме с юбкой-карандашом, производя впечатление очень серьезной девушки. И судя по столь кардинальным сменам образа, Ева решила, что Инга явно была особой эксцентричной и ждать от нее можно было чего угодно.

– Ева, постой, ты в кафе? – услышала Ева хриплый голос девушки, которую вчера собственноручно произвела в должность, дающую ей право немного свысока поглядывать на своих сокурсников, но только не на Еву.

– Да, там Лана заняла столик, мы решили перекусить.

Ева понимала, что по правилам этикета нужно пригласить Ингу к ним присоединиться, но она очень хотела обсудить с подружкой инцидент с пропавшим аккумулятором без свидете-

лей, поэтому, натянуто улыбнувшись, собралась уже двинуться дальше. Но староста ее задержала, цепко схватив за руку, сминая пышный рукав ее белоснежной блузки.

– Тут такое дело, у меня сегодня день рождения, я хочу тебя пригласить на праздник.

– День рождения – это здорово, – уклончиво ответила Ева, не зная, как ей быть. Общество этой непредсказуемой девушки ее настораживало.

– Так ты придешь или нет? – без лишних слов, прямо спросила Инга и внимательно посмотрела на подругу.

Делать было нечего, Ева немного помолчала, слегка набивая себе цену, потом вытащила из стопки листов список литературы, который Инга раздавала всем первокурсникам, и, слегка приподняв одно плечо, произнесла:

– Хорошо, я приду, только с Ланой, мы давние друзья, я без нее никуда, – и когда уже сделала несколько шагов в сторону кафе, она вдруг обернулась и как бы невзначай спросила: – А кого ты еще пригласила из нашей группы?

– Да, в общем, почти никого, только рыженького и сына замдекана, ну ты понимаешь... – сделав паузы и многозначительно посмотрев на Еву, ответила староста и рассмеялась.

– Сын Соловьевой учится с нами в одной группе?

– А ты что, не знала? Вы сейчас так мило с ним беседовали на лестнице, я думала, ты в курсе.

В шесть часов вечера Ева вышла из парадной своего нового дома и всей грудью втянула свежий, но все еще по-летнему теплый воздух. Ее взору открылся прекрасный пейзаж, которому мог позавидовать сам Левитан. В город пришла любимая Евина пора – осень. И хоть на календаре было только второе сентября, но могучие клены, которых вокруг было великое множество, уже покрасили свои резные листья в желто-оранжевый цвет с маленькой красной кромкой по краю. Липы переливались на солнце желтыми листиками, как будто собранными из янтарной мозаики, и все это великолепие отлично оттеняли ярко-зелёные пушистые ели. Чего ждать от вечеринки по поводу дня рождения старосты, Ева не знала, и так как дресс-кода объявлено не было, то решила надеть короткое расклешенное шелковое платье небесно-голубого цвета с мелкой набивкой в виде крошечных коричневых птичек, на ноги обула коричневые казаки, повесила через плечо голубую сумочку и, немного подумав, взяла в руки кожаную косуху, решив, что, может, все-таки удастся прогуляться с кем-нибудь по ночному Питеру. По дороге она купила большой букет розовых роз и хоть понимала, что уже опаздывает, все-таки решила, что нужно купить подарок, поэтому не раздумывая отправилась в ДЛТ.

ДЛТ – Дом ленинградской торговли находился на улице под названием, которое не вписывалось в современную реальность, – Большая Конюшенная. Она появилась в далёкие Петровские времена на месте императорских конюшен и была отдана под застройку деревянных домиков для иностранных граждан, здесь размещали свои лавочки финны, немцы и французы, с тех пор утекло много времени, но место это по-прежнему хранило в себе отголоски былых времен. Ева любила приходить на эту небольшую, всего в полкилометра, улицу. В ее пешеходной зоне, густо засаженной раскидистыми липами, эффектно расположились скульптуры пегасов и, прохаживаясь между этими миниатюрными лошадками, девушка мечтала, встречалась с подругами, а иногда испытывала примету – если обойти пегаса с чашей 3 раза по часовой стрелке и 2 раза против часовой, а потом оставить ему монету, в ближайшие дни случится чудо. Ева, выполнив этот нехитрый ритуал, бросила в чашу монетку, зажмурилась и загадала: «Влюбитесь! – потом приоткрыла глаза и перезагадала: – Чтобы в меня кто-нибудь влюбился!»

Ева обожала после вдохновляющей прогулки по этим местам выпить чашечку венского кофе в ресторане, из которого можно было попасть прямо в здание ДЛТ. И вот сейчас, погасив в себе желание заглянуть в этот симпатичный ресторанчик, она быстро зашла в универсам, предназначавшийся для продажи предметов роскоши. Девушка выбрала для Инги чудес-

ный красный кошелек на золотой цепочке V.G., который с большим удовольствием носила бы сама и, поглядывая в нетерпении на часы, все же дождалась, пока его упаковали в элегантную кожаную коробочку, перевязанную золотой тесьмой. Когда они с Ланой наконец вошли в холл молодежного центра возле парка «Сосновка», где по какой-то неведомой им причине и проходил день рождения старосты, часы показывали 19.15.

– Ева, как я рада, что вы пришли, уже и не надеялась, – приветствовала их виновница торжества, вполне любезно, но при этом сухо.

Староста вообще производила на Еву очень двойственное впечатление, и судя по тому, что сейчас она предстала перед ними в парике и крыльях, часть которых была черной, а другая – белой, видимо, эту двойственность своей натуры Инга чувствовала и сама. В первую секунду Ева не знала даже, что и сказать. Обстановка, в которую они попали, совсем не соответствовала ее ожиданиям. Просторный зал с высоким потолком был погружен в безудержное веселье. Повсюду хаотично были расставлены столы, доверху заваленные гамбургерами, огромными, нарезанными на куски, пиццами со всевозможными начинками, все было заставлено бутылками с разнообразными напитками. Громко играла музыка какой-то неизвестной Еве зарубежной группы, периодически ослепляя, в глаза попадал луч прожектора. В одном из углов генератор снега извергал из себя белоснежные хлопья. Но что больше всего удивило девушку, так это количество народа, и что самое интересное, они все находились в движении. Кто-то буйно отплясывал, кто-то раскачивался в такт музыке, а некоторые просто слонялись среди столов со стаканчиками в руках.

– Инга, у тебя столько гостей, это все твои друзья? – не смогла сдержать эмоции, выдавая свое удивление, спросила Ева.

– Это наша молодежная организация, здесь много ребят из универа, правда, в основном старшекурсники, пойдёмте, вы сначала выберете аксессуары, а потом я вас познакомлю с Тарэком.

И Инга, сияя от удовольствия, потащила Еву за руку к столу, который был завален разного рода шляпами, очками, париками, рядом стоял стенд с боа, крыльями и хвостами и небольшой столик с цветными линзами.

– Вы уже, наверное, поняли, что я люблю перевоплощаться, и раз уж у меня сегодня праздник, то я всем предлагаю разделить это мое увлечение, – захлеб объясняла Инга, любовно поглаживая мех на ободке с кошачьими ушками. – Может, примеришь? – спросила она, воодушевленно глядя на Еву.

– Я выберу что-нибудь сама, если ты не против, – ответила Ева и принялась разглядывать причудливые аксессуары, но единственное, что, на ее взгляд, соответствовало ее одежде, так это красивая ковбойская шляпа, украшенная по кругу аккуратными перышками.

Лана, чтобы не отстать от подруги, тоже хотела выбрать какой-то головной убор, но так как ковбойских шляп больше не было, она неумело пристроила на голове коричневый берет, который слегка оттопыривался в том месте, где соприкасался с дужками ее очков. Девушки немного повернулись перед большим зеркалом, прикрепленным тут же к стене, потом по настоянию Инги сделали забавные фотографии в фотобудке в виде сердца, украшенного лампочками. И когда все формальности с переодеванием и вручением подарка были соблюдены, Инга вспомнила, что хотела представить девушек своими друзьям. Она тут же схватила с ближайшего столика пару стаканчиков с газировкой и, вручив их своим гостям, сказала сипло:

– Следуйте за мной! – и направилась к группе молодых людей, которые стояли в центре зала, о чем-то живо беседуя, через каждые десять секунд взрываясь веселым громким смехом. На голове самого высокого из них красовался парик судьи, а его собеседники были одеты в пиратов.

Когда староста подвела к ним вновь прибывших гостей, молодые люди сразу прекратили свой разговор и с большим любопытством уставились на девушек.

– Вот, хочу вам представить моих одноклассниц, Ева и... – тут Инга запнулась, сию секунду вспомнить имя второй своей гостьи, и смущенно добавила: – Имя такое необычное, я еще не запомнила.

Ей сразу же на помощь пришла Ева, она обняла свою подругу и, с большим участием глядя на нее, произнесла:

– Ее зовут Лана, как подружку Кларка Кента, теперь вам нетрудно будет запомнить.

– Очень приятно, я Петр Тарэк, а это Максим, – показывая в сторону своего низенького пухлого друга, сказал явный лидер всех здесь собравшихся и, похлопав его по плечу, добавил: – Он моя правая рука, ну а если подумать, то и левая тоже, – и все стоящие рядом парни начали хохотать.

Ева решила, что они так веселятся, потому что здесь уже, наверное, замешан алкоголь, но спустя время заметила, что вся эта развязная веселость исходила от Петра. Однако взгляд этого юноши всегда оставался застылым и холодным, и Ева поняла, что смех для него был всего лишь частью образа, который он выбрал для себя, чтобы больше нравиться публике. Но не успела девушка как следует рассмотреть этого загадочного молодого человека, как кто-то дотронулся до ее плеча, она обернулась и заметила парня, которого, как ни странно, была рада видеть. Перед ней стоял сын Соловьевой.

– Так, значит, ты Ева. Очень рад знакомству, – дружелюбно протягивая ей руку, сказал долговязый юноша и потрепал свои длинные непослушные волосы, которые маленькими прядями падали на его смешливое лицо с живыми, все время что-то ищущими глазами.

Ева почему-то тоже улыбалась, она вложила свою изящную ручку с атласной гладкой кожей в гигантскую ладонь парня и, внимательно глядя прямо ему в глаза, спросила:

– Так, может, настало время и мне узнать твое имя?

– Ой, точно, совсем забыл, я Тема.

– Значит, Артем?

– Ну да, Артем, но все зовут просто Тема, так короче и мне больше нравится, – затараторил юноша, явно смутившись, как только Ева назвала его по имени.

Ева начала глазами искать Лану, которая так неожиданно куда-то исчезла, но потом, оставив эту затею, поняла, что юноша, стоящий рядом, явно собирается составить ей компанию, она подняла на него свои большие карие глаза и, немного повернув голову набок, произнесла:

– А ты уже выполнил свое обещание?

– А разве я тебе что-то обещал? – спросил он.

– Ну да, у нас был уговор: я ничего никому не говорю, а ты возвращаешь аккумулятор.

– А, так это у нас был уговор, скрепленный семью печатями?

– Да что там печатями, он был практически скреплен кровью, потому что честь и достоинство я ценю в людях превыше всего. А то, что я тебя не выдала, а ты даже не удосужился все исправить – это бесчестно.

– Да ладно, не будь такой категоричной, верну я его завтра утром, будь уверена.

– А зачем ты вообще его стащил, хотел насолить матери?

– Нет, не насолить, а доказать, ей и отцу. Доказать, что на самом деле чего-то стою, и если у меня все получится, то смогу заниматься любимым делом.

– Ничего не понимаю, ты меня совсем запутал. Можешь рассказать, в чем твоя проблема? – спросила Ева, сводя свои красивые брови так сильно, что между ними залегла маленькая складочка, похожая на морщинку.

– Ладно, тебе скажу, ты можешь хранить секреты, я уже это понял. Я сейчас работаю над одним проектом. Мое открытие может раздвинуть границы робототехники, может быть, это

даже будет мировой сенсацией, но родители, а особенно маман, находят мое увлечение просто несерьезным и считают меня ни на что не способным лоботрясом.

– И для этого тебе понадобился аккумулятор?

– Мне был нужен мощный источник энергии, сегодня ночью я все испробую и завтра его верну, а если все получится, в чем я не сомневаюсь, то докажу родителям, что мне не обязательно заниматься дипломатией.

Тут Ева сделала серьезное лицо и, захлопав своими длинными ресницами, с грустью произнесла:

– И ты уйдешь в другой вуз?

Юноша добродушно заулыбался и, дотронувшись до ее плеча, ответил вопросом:

– А что, тебе жалко со мной будет расставаться?

– С чего бы это, я только пару минут назад узнала твое имя, поэтому мне совершенно безразлично твое будущее, – ответила Ева и, сделав равнодушный вид, отвернулась от собеседника и направилась разыскивать Лану. Но молодой человек не собирался отпускать Еву, он через пару секунд нагнал ее и, преградив дорогу, воодушевленно произнес:

– А хочешь, сейчас поедем в мою лабораторию и я при тебе испытаю своего робота? Ты не представляешь, какой он многофункциональный, поехали, соглашайся!

Ева пожала плечами, и на какую-то секунду в ее глазах вспыхнул огонек любопытства, но потом, немного помолчав, она грустно сказала:

– Я бы с удовольствием, но сегодня слезно обещала Натали не ввязываться в истории.

– А кто такая Натали?

– Это моя мама.

Юноша расхохотался в голос:

– Ах, Ева, если бы только знала, сколько раз я давал слово Валентине Ивановне...

– Ну я уже заметила, что ты не привык держать свое слово.

– Ладно, давай договоримся так, ты сейчас поешь здесь что-нибудь, а я пока раздобуду для тебя шлем.

– А зачем мне шлем? – удивленно глядя на юношу, произнесла Ева.

– Так мы поедем на мотороллере.

– На мотороллере? Нет, я не поеду, – она хотела добавить, что боится ехать на таком виде транспорта, но постеснялась.

– У меня Веспа.

Ева, услышав это слово, сразу вспомнила, как она ездила с друзьями в Рим и как они там мечтали покататься на Веспе, но непрерывная череда приключений и ярких событий не дала им этого сделать. Боль разочарования и такая тоска по утрате друзей из Союза стального кольца кольнули ее душу. Мысль о том, что теперь они никогда не поедут путешествовать вместе, как это было весной, густой пеленой затуманила ее разум, она встряхнула своими каштановыми локонами и, посмотрев на Артема горящими глазами, с готовностью произнесла:

– Знаешь что, иди за шлемом, а я сейчас предупрежу свою подругу, что отлучусь на часок.

Лана в это время, раздосадованная тем, что, как всегда, померкла в Евином сиянье, слонялась от одной группы ребят к другой, пытаясь хоть где-нибудь заметить человека, которому была бы интересна. Она ужасно злилась на Ингу, что та не смогла запомнить даже ее имени, и, сев за маленький стол, решила поесть, надеясь, что хоть это поднимет ей настроение. Сначала покусала гамбургер, из которого во все стороны торчал повядший обветренный салат, потом засунула себе в рот горстку холодной картошки фри и, не получив от этого никакого удовольствия, решила все протолкнуть чаем. Взяв в руки маленький заварной чайник, налила себе половинку бумажного стаканчика и залпом глотнула его содержимое. И тут, вытаращив глаза, открыла рот и начала обеими руками махать на лицо, часто дыша, потому что в чайнике вместо чая был налит какой-то крепкий алкогольный напиток. Пока Лана пыталась прийти в себя

от произошедшего с ней конфуза, она почувствовала, что настроение ее слегка улучшилось, в области груди разлилось приятное тепло, и девушка решила, что содержимое чайника ей сейчас кстати. Она огляделась вокруг, в дальнем углу у самого окна заметила еще один такой же заварник и быстро направилась к нему, переживая, чтобы ее никто не опередил. Но желающих завладеть этим напитком поблизости не оказалось, и Лана в одиночестве, уже не садясь за стол, налила и выпила еще полстакана. Но через минут пятнадцать очень сильно об этом пожалела, ноги стали непослушными, даже в какой-то момент показалось, что они принадлежат кому-то другому, в сознании появилась неясность, а к горлу подкатила мучительная волна тошноты. Девушка встала и, покачиваясь, направилась в туалет, но по пути услышала, как стоящие к ней спиной Тарэк, Максим и Инга обсуждали их с Евой.

– Твоя новая протеже, по всему видно, небедная и очень недурна собой, она подойдет для нашего дела, так что ты, Инга, молодец, – четко расслышала Лана слова Тарэка, еле сдержав очередной приступ тошноты.

– Да, ты прав, – вклинился в разговор Максим, – а вот ее подружка ну истинная «ботаничка», – неприятно хихикая, добавил он и заискивающе посмотрел на Петра.

– Не стоит ее недооценивать, – недовольно ответил Тарэк. – Подобные тихони обычно так отчаянно жаждут внимания, что на все готовы, она нам пригодится, – покровительственно похлопав Ингу по плечу, Тарэк обратился к ней: – Так держать, ты настоящий боец, если и дальше будешь хорошо справляться, то скоро мы переведем тебя в теламоны.

У Ланы уже не было сил, чтобы дослушать разговор до конца, она, прижимая руку ко рту, пытаясь запомнить незнакомое ей слово «теламон», неслась в туалет, все сметая на своем пути. Горечь обиды и сильная тошнота от выпитого сделали свое дело. Она бежала и со стоном шептала себе в руку:

– Жуткая «ботаничка», я жуткая «ботаничка», ненавижу себя, жалкая, жуткая «ботаничка».

Лана не добежала до раковины, ее стошнило прямо на белый кафельный пол.

Ева же не смогла отыскать свою подругу и, написав ей сообщение, вышла вместе с Темой на улицу. Поежившись от вечернего холода, она надела косуху, которая пришлась кстати, и подошла к ярко-красному мотороллеру. Вокруг уже было темно, и только свет уличных фонарей освещал Веспу, припаркованную у входа. Тема надел на Еву шлем, который ему удалось одолжить у одного из гостей, приехавшего на мотоцикле. Он повернул девушку за плечи к свету и замер, улыбаясь, глядя так изумленно, что Ева, смутившись, легонько толкнула его в грудь и спросила:

– Что ты улыбаешься, почему так смотришь?

– А ты красивая.

– Что, только сейчас это заметил? – ответила Ева и направилась к Веспе, по пути произнося командным тоном: – Поехали, пока я не передумала.

Она провела рукой по глянцевой поверхности мотороллера и с восторгом произнесла:

– Какая яркая у тебя оса.

– Почему оса? – удивился юноша.

– Так переводится на русский язык «веспа», а еще я знаю, что они производятся концерном Piaggio с апреля 1946 года.

– Ну ты даешь.

– Просто весной мечтала покататься на ней.

– Так сделаешь это не весной, а осенью, тоже неплохо, садись.

Юноша сел сам и помог поудобнее устроиться Еве, а потом, не поворачиваясь, предложил обхватить его посильнее, и девушка, поняв, что больше держаться не за что, безоговорочно обвила его корпус своими тонкими руками и что было сил прижалась к его худой, с выпирающими лопатками, спине.

- Ты хоть скажи, куда мы едем, а то я даже не знаю, что меня ждет впереди.
- Мы едем в гараж моего деда, я там устроил свою лабораторию.

Еве, конечно, было страшно ехать ночью в гараж с малознакомым парнем, это была худшая идея, которая приходила ей в жизни, но она решила хоть раз побыть безрассудной, потому что все ее попытки поступать правильно в прошлом не увенчались особым успехом. Они ехали на большой скорости, а рядом пулей пронеслись встречные автомобили, от вида которых у Евы все кружилось перед глазами, и она отвернула голову в сторону и положила ее на хрупкое тело своего нового знакомого, которому так безрассудно вверила свою жизнь. Девушка слышала, как сильно бьется его сердце, и волнение, охватившее юношу, передавалось с этими ударами Еве, она даже захотела погладить его по груди, чтобы он немного успокоился, но только слегка вздрагивала ее рука, как сердце Темы начинало биться еще быстрее. Ева подумала, как не похож ее новый знакомый на бывших друзей, в нем не было утонченности и аристократизма Марка, не было брутальности Юры, и он не цитировал Канта, как Паша. Но было в нем что-то неуловимо трогательное, он был открыт миру и неведанным приключениям, его смешливость и добрый бесхитростный взгляд подкупали, и, казалось, он идет по жизни легко и беззаботно, как герои залитых солнцем картин Серова.

Артем в эти мгновения действительно был очень взволнован, он не раз катал на своей Веспе одноклассниц, но сейчас было все по-другому. Что-то в этой красивой девушке было особенное: ее тёплые руки, лежавшие в области его солнечного сплетения, при каждом движении которых у него перехватывало дыхание; ее стройные ноги, загорелый изгиб которых обнажался, когда шелковое платье девушки от порывов воздуха развевалось легким шлейфом. А еще запах – запах, который дурманил его сознание и совсем не соответствовал его ожиданиям. Тема думал, что эта строгая красавица должна непременно пахнуть яркими французскими духами, а от нее исходил нежный аромат сладкой земляники вперемешку с запахом свежих полевых цветов.

Проехав примерно полпути, Ева, помимо ударов своего и Теминого сердца, начала ощущать, как непрерывно в ее кармане вибрирует телефон, и, решив, что так настойчиво может звонить только человек по очень важному делу, попросила Тему остановиться.

Звонила Лана, она, таратора скороговоркой, эмоционально начала рассказывать, что Натали прислала за ними Сергея Ивановича, потому что Еве срочно нужно вернуться домой, и теперь водитель стоит у входа в молодежный центр и дожидается, когда они выйдут. Ева с большим облегчением выдохнула, словно выпустила сидящие внутри нее страхи по поводу спонтанной поездки, и попросила Тему повернуть обратно. Когда они остановились на таком расстоянии, чтобы Сергей Иванович не видел, что дочь его работодателя разезжает на мотороллере по ночному Петербургу, Ева, попрощавшись, быстро направилась к группе молодых людей, стоящих у входа, среди которых заметила Лану, но Тема задержал ее, взяв за руку:

- Ева, подожди, я хотел тебя предостеречь.
- Предостеречь?
- Ты бы не связывалась с ними, – еле слышно произнес юноша, отводя глаза в сторону.
- С кем? – удивилась девушка.
- С Тарэком и его организацией, они не так просты, как хотят казаться.
- Извини, сейчас мне некогда это обсуждать, мне нужно идти, – ответила Ева и, пройдя

пару шагов, обернувшись, посмотрев на юношу самым обольстительным взглядом, на который была только способна, добавила: – Мне понравилась твоя красная оса.

Когда Ева поближе подошла к ребятам, выхваченным светом фонаря на темном фоне еле угадывающихся дорических колонн портика молодежного центра, то сразу ей бросился в глаза тот самый Тарэк, уже без парика, с резко очерченным черепом, слабо прикрытым редкими белесыми волосами. Девушке показалось, что было в его образе что-то зловещее, но она не

могла себе представить, какие идеи вынашивал этот молодой человек в своей такой некрасивой, но очень умной голове. Он же, как только заметил приближающуюся к ним Еву, сразу заулыбался и, сделав ей навстречу пару шагов, заговорил приятным, дружелюбным голосом:

– Ева, так вышло, что сегодня здесь собрался весь наш студсовет, и мы обсуждали день первокурсника, который состоится через неделю. У нас есть традиция, что этот праздник ведут выпускник и первокурсница, и мы решили предложить тебе роль ведущей. Ты такая яркая девушка, думаю, у тебя отлично получится.

Ева была польщена, она тут же забыла о предостережениях Темы и начала придумывать, какое платье наденет и как будут все удивлены ее способностям, потому что в школе она была несменной ведущей всех проводимых мероприятий. Девушка без промедления согласилась на заманчивое предложение и, садясь в черный автомобиль, поджидавший ее уже битых полчаса, представляла себя на сцене превосходного университетского актового зала, с бархатным зеленым занавесом и шикарной хрустальной люстрой с бесчисленным количеством изящных лампочек в виде тонких сияющих свечей.

Глава 3. Принцесса Греза

Для чего нам дается память? Почему каждый день нельзя прожить с чистого листа? Если память нужна, чтобы не совершать ошибок прошлого, то отчего мы совершаем их снова и снова? Если для того, чтобы нести знания, которыми мы овладели, то почему мало кто сможет вспомнить, как вычислить уравнение окружности? Почему мы не помним свой третий день рождения, который, по словам родителей, был очень радостным, но просыпаемся в холодном поту от мучительных воспоминаний утрат, обид, предательства? Так, может, память не дар, а испытание? И тот лишь способен достичь счастья, кто может отринуть прошлое и ступить в новый день, в новую любовь с чистым разумом и чистой душой, как дитя!

Ева приехала в университет раньше обычного. Водитель, который привез ее к старинному парадному входу, сразу помчался в аэропорт встречать Натали, прилетевшую из Москвы, где она, как обычно, была на заседании благотворительного фонда вместе с Замковским Михаилом Леонидовичем. Михаил Леонидович с гордостью рассказал Натали о своем сыне, который якобы по собственной воле отправился в Уганду, помогать людям, тем самым показывая избалованным сверстникам, что личные потребности не всегда нужно ставить на первый план. Но Натали не знала, стоит ли все это рассказывать дочери, ей страшно не хотелось ворошить прошлое, отголоски которого с большим трудом она по сей день пыталась извлечь из ее нежного сердца. А Ева тем временем сидела в самом последнем ряду просторного светлого зала и, открыв учебник по философии, рисовала в своем блокноте несуществующие фантастические цветы, красиво выводила заглавные буквы английского алфавита, а потом все это черкала тонкими волнистыми линиями. Как только открывалась дверь и в аудиторию заходил кто-нибудь из ее одноклассников, она слегка приподнимала ресницы и изучающе поглядывала на вошедшего, но по тому, как грустно опускала взор на свои незатейливые рисунки, было件件но, что тот, кого она ждала, еще не пришел. Можно было подумать, что ждет она Тему, с которым весело провела вечер у Инги, но это было не так. Ева ждала Алекса – так они теперь с Ланой называли Сашу, единственного молодого человека из их группы, не удосуживавшегося еще познакомиться с Евой. Да что там познакомиться, он даже здоровался, еле заметно кивая головой, и тут же отворачивался, как будто не считал ее достойной своего внимания. Ева с первого дня была убеждена, что они найдут общий язык, а теперь обратить на себя внимание Алекса уже было делом чести и уязвленного самолюбия. Спустя пару минут, запыхавшись, примчалась Лана и взгромоздила на свободный стул сумку, чехол от планшета и еще какие-то вещи, чтобы к ним с Евой за стол не подседа Инга. Лана страшно ревновала ее к своей подруге, а после того, как на дне рождения эта несносная девица даже не смогла вспомнить Ланиного имени, она всеми силами пыталась ограничить свое и Евино общение с этой выскочкой старостой.

– Привет, дорогая, – поцеловав Еву в щеку, произнесла Лана и, усаживаясь рядом, добавила: – Я в гардеробе столкнулась с Алексом, он был такой грустный и с огромной сумкой. Как думаешь, что он там таскает?

– С такими сумками ходят профессиональные игроки в большой теннис, – ответила Ева, изящно положив свое кукольное личико на красиво поставленную руку, и по ее игривому взгляду Лана сразу поняла, что в аудиторию вошел человек, на которого подруга хотела произвести впечатление.

– А вот и он собственной персоной, – переходя на шепот, произнесла Лана, и, глядя на вспыхнувшие щеки Евы, сощурила свои и без того маленькие глазки.

Алекс небрежно кивнул, приветствуя Еву, а она начала что-то быстро записывать в блокнот и не удостоила его ответным приветствием. А вот девушка с уже немного смывшимися

сиреневыми волосами, наоборот, очень радостно встала юноше навстречу и, чмокнув как-то излишне демонстративно в щеку, громко сказала:

– Привет, я заняла для нас лучшие места, у окна сейчас солнце начнет припекать, а здесь будет приятная прохлада.

На что юноша лишь скептически пожал плечами и, эффектно откинув назад свой модный чуб, поставил сумку под стол.

Лана начала выпытывать у подруги, когда этот высокомерный красавчик уже будет сидеть с ними за столом, так как ей уже очень хотелось веселиться, желательно в дружной компании.

– Все мое время, потерпи немного, – ответила отрешенно Ева, пристально глядя Алексу в спину.

– А какие кандидатуры ты еще рассматриваешь на роль наших друзей? – не унималась Лана.

– Лана, теннис – это же здорово, – как будто не слыша, что говорила подруга, вдруг произнесла Ева. – Я же тоже какое-то время занималась большим теннисом, у меня ракетка до сих пор имеется и наконец появился план, – переводя воодушевленный взгляд на подругу, прошептала Ева.

Но не успела Ева раскрыть всех деталей своего умопомрачительного, на ее взгляд, плана, как в аудитории появился профессор и все затихли. Не представляясь и ничего не объясняя о планах на семестр, как это обычно делали другие преподаватели, он лишь обвел студентов снисходительным взглядом, хищно улыбнулся в седые усы и, скрестив руки на груди, спросил:

– Принципы какого философа вы разделяете?

В аудитории повисла гробовая тишина, студенты заволновались, заерзали на своих стульях, начали опускать глаза, и не потому, что им нечего было сказать, а потому, что все вокруг были еще малознакомы, в воздухе витало стеснение и скованность. Это потом, через пару месяцев, в стенах этой аудитории начнут разгораться неистовые споры, молодые люди будут отстаивать свою точку зрения без тени смущения, а этот профессор станет любимым преподавателем 112-й группы, пропустить лекции которого будет дурным тоном для всех без исключения. А сейчас Виталий Михайлович неспешно прошелся по ряду и, остановившись рядом с Евой, посмотрел в ее широко распахнутые глаза и с еле заметной иронией в голосе произнес:

– Вот вы, девушка, что скажете? У вас есть любимый философ, вы пользуетесь его учением в своей жизни, может быть, есть слова, которые бы вы цитировали?

– Сейчас мне очень близка фраза Джона Локка: «Разум есть чистая доска, на которой опыт чертит свои письмена», – ответила спокойно Ева.

Как только профессор начал свое движение по ряду, девушка была уверена, что он обратится именно к ней. Так было всегда, в школе и на лекциях в Эрмитаже, экскурсоводы в музеях, просто люди почему-то начинали рассказывать все именно ей, это было для Евы сущим наказанием. Если лектор встречался с ней взглядом, то так до конца своего повествования неотрывно читал свою лекцию, глядя ей прямо в глаза, не давая девушке отвлечься даже на секунду.

– Но почему же мы так часто заблуждаемся, если все знание можно получить из опыта? – обратился к остальной аудитории профессор.

– Позвольте мне тоже высказаться, – послышался вдруг уверенный голос с передних рядов, по легкой холодце в тембре Ева сразу догадалась, что это Александр.

Она почему-то боялась, что он начнет с ней спорить, но, похоже, Алекс просто хотел красоваться собой и своими знаниями. Он вальяжно откинулся на спинку стула, демонстрируя эффектный черный костюм, один рукав и часть лацкана которого были зелеными, и произнес:

– В «Критике чистого разума» Кант сформулировал свой знаменитый вопрос: «Что я могу знать?». То есть, по его мнению, разум способен доказать совершенно противоположные утверждения. К примеру, существование Бога и его отсутствие. Это ставит разум в тупик и говорит о его несовершенстве и ограниченности. И я с Кантом полностью согласен, ведь так

можно оправдать любое свое незнание на любом экзамене, – слегка засмеявшись, закончил Алекс, – учись, пока я жив!

«Смотри-ка, нам с тобой везет на любителей Канта», – сдавленно хихикнув, написала Лана на листке и подвинула его подруге.

«Это знак, – написала Ева в ответ. – Быть ему нашим другом – и точка!»

Следующей парой в 112-й группе была физкультура, и, чтобы начать реализовывать свой план относительно Алекса, Ева с Ланой должны были ее прогулять. Спортивный зал находился на первом этаже прямо рядом с проходной, у которой постоянно дежурили охранники, и, следуя мимо двух новеньких турникетов, Ева, наклонившись к уху Ланы, вполголоса произнесла:

– В мужскую раздевалку идти придётся тебе, а я постараюсь отвлечь охранника, сегодня дежурит Адам, так что я что-нибудь придумаю.

– Хорошо, только, по правде говоря, я не поняла, что мне нужно выведать из содержимого сумки Алекса.

– Посмотри на его форму, если он занимается теннисом серьезно, то будет какая-нибудь нашивка клуба, может, заметишь пропуск или бейдж, – начала объяснять Ева и, увлекая Лану к окну, сверкнув на нее своими горящими от предвкушения предстоящих приключений глазами, добавила: – Нам нужно узнать, где он тренируется, я тоже запишусь в этот клуб, и тогда он не сможет меня просто так игнорировать, ну, в общем, что потом делать, я знаю.

Как только все студенты разошлись по своим аудиториям и в коридоре стало совсем пусто, девушки вышли из-за колонны, где детально разработали свой план. Ева направилась прямо к охраннику, начиная на расстоянии мило улыбаться, глядя ему в глаза, так как позади нее находилась дверь в мужскую раздевалку, в которую сейчас никем не замеченной должна была проникнуть Лана.

– Здравствуйте, Адам, – произнесла Ева, подходя на расстояние вытянутой руки к молодому мужчине, который не мигая смотрел на нее, готовый в любой момент парировать шуточки по поводу своего имени.

А девушка, не догадываясь о причине его суровости, убрала спавший на лицо локон и протянула свой пропуск:

– У меня карточка почему-то не срабатывает, вы могли бы разобраться, в чем причина.

Мужчина взял пластиковую карточку в руки и внимательно посмотрел на небольшое фото, которое не передавало всего обаяния стоящей перед ним девушки, а потом пробежался взглядом по ее имени и фамилии.

– Так, значит, вы на самом деле Ева? – сморщив свой лоб, поднимая от удивления брови, произнес охранник и засмеялся в голос.

– Да, а вы думали, что я пошутила?

Ева кокетничала так откровенно, что даже самой было за себя стыдно, но ей нужно было во что бы то ни стало заставить Адама повернуться спиной к двери мужской раздевалки, за которой несколько минут назад скрылась ее подруга.

– Ну давайте проверим, что случилось с вашим пропуском, – приятным голосом вкрадчиво произнес молодой человек, прикладывая пластиковую карточку к считывающему устройству турникета. Послышался привычный звук, загорелась зеленая стрелка, и створки турникета открылись. – Все в порядке, работает.

Ева уже не на шутку разволновалась, что говорить еще этому меланхоличному охраннику, она не знала, а Лана между тем оставалась в мужской раздевалке, тогда как Адам стоял лицом к светло-серой двери, на которой висела потешная табличка в виде силуэта тяжелоатлета с гирей в одной руке, поднятой над головой. Если он сейчас заметит Лану, то может подумать, что подруги решили что-нибудь украсть у парней. Такого позора она не переживет, сердце так сильно стучало в груди, что мешало думать. Казалось, еще мгновение, и этот симпатичный детина схватит выходящую Лану за руку и закричит: «А ну-ка, выворачивай карманы, что ты

там стащила?». К счастью, в эту секунду Ева, стоявшая напротив Адама, с облегчением вздохнула, она наконец придумала, как его выманить на свою сторону, тем самым заставить встать спиной к двери, что даст Лане возможность незаметно выйти.

– Понимаете, когда я захожу в институт, она срабатывает, а вот выйти не всегда получается, – улыбаясь, склонив голову набок, произнесла девушка, приглашая движением руки мужчину перейти на другую сторону турникета. Как только он поравнялся с Евой и проверил ее пропуск, девушка услышала позади себя еле слышные шаги подруги и, забрав пластиковую карточку из рук охранника, весело сказала:

– Ой, да вы просто маг и волшебник, все в миг исправили, – и тут же хотела бежать к Лане, но Адам остановил ее, осторожно взяв за руку, чуть выше тоненького запястья.

– Если уж я такой волшебник, так, может, заслужил твой номер телефона? – неожиданно переходя на «ты», произнес молодой человек, но в этот момент в нагрудном кармане его куртки послышался тональный сигнал рации, и он, отпустив Евину руку, достал устройство, из которого доносилось шипение и непонятные слова, похожие на бульканье и гудение.

– Принял, – ответил охранник и быстро направился к выходу.

Ева, радостно обнимая выбравшуюся на свободу Лану, в нетерпении спросила:

– Ну, удалось что-нибудь узнать?

– Знаешь, я, может, не очень разбираюсь в теннисе, но вещи, которые лежат в сумке Алекса, мало похожи на спортивные.

– Теннисную форму разрабатывают разные дизайнеры, иногда такого могут наворотить, что сложно поверить, что она предназначена для спорта. Ты лучше скажи, эмблемы или логотипы клуба на этой форме были? – внимательно глядя на раскрасневшуюся от несвойственных для нее действий подругу, спросила Ева.

– Да, эмблема была на куртке, я ее сфотографировала, – ответила Лана, и они вдвоем уставились на экран телефона, где их взору предстала ярко-красная эмблема, на которой был изображен желтый диск в горизонтальной плоскости и стоящие на нем две буквы того же цвета – «Д» и «П». Внизу, по краю эмблемы, эта аббревиатура была расшифрована, но надпись была такой мелкой, что, как ни старались девушки раздвинуть экран, чтобы увеличить ее, прочитать им так и не удалось. Еве показалось, что она уже видела где-то эти символы, она еще какое-то время силилась вспомнить, повторяя в уме: «ДП», «ДП», но водоворот дальнейших событий быстро отвлек ее от этих мыслей.

По дороге в аудиторию девушек догнала Инга, она сообщила, что неизвестный воришка вернул аккумулятор на место, но Валентина Ивановна все равно в плохом настроении и просила не опаздывать на ее пару. Тут Ева вспомнила про Тему, который должен был провести свой важный эксперимент. Несколько дней его в университете не было, но Ева чувствовала, что он побаивается своей матери, и поэтому надеялась увидеть его сейчас на лекции по политической географии и не ошиблась. Когда девушки переступили порог аудитории, Валентина Ивановна недовольно глянула в их сторону и сухо произнесла:

– Поторопитесь, мы уже начинаем.

Ева встретилась взглядом с Темой. Он сидел у окна, как-то сильно развалившись, подпирая голову рукой, локоть которой доходил до середины стола. Юноша ничего не выражающим взглядом скользнул по Евиному лицу и опустил глаза в тетрадь, лежащую перед ним, а она по его потухшему взору сразу поняла, что эксперимент, на который возлагал большие надежды этот излишне веселый юноша, явно не удался. Подавленный, он выглядел так неестественно, что Еве, привыкшей сопереживать своим друзьям, захотелось его поддержать, хотя бы написав ему утешительное смс. Однако юноша не поворачивал даже головы в ее сторону, а Ева, вечно купающаяся во всеобщем обожании, никогда не проявляла инициативу первой. В конце лекции Валентина Ивановна сообщила, что завтра на первой паре состоится тест, который

она традиционно проводит, чтобы проверить уровень знаний ее новых студентов, и отсутствие кого-либо на этом занятии будет означать согласие на неудовлетворительную оценку.

Как только Соловьева (так стали называть Валентину Ивановну первокурсники) вышла из аудитории, поднялась староста и негромко, заговорщическим тоном произнесла:

– Мне друзья со второго курса дали вопросы этого теста, кто хочет их получить, напишите свой e-mail, я все пришлю вам на почту.

Вокруг началась суета, и Ева вышла из аудитории. Она подумала, что если ей сильно понадобятся эти вопросы, то она попросит Лану раздобыть их у старосты, а может, вообще попытается написать тест своими силами. И когда уже, минуя гардероб, девушка направилась к выходу, ее кто-то окликнул. Ева обернулась и увидела позади себя Тему, его грустные глаза казались еще печальнее на фоне широкой белозубой улыбки. Юноша достал из ушей беспроводные наушники и, небрежно сунув их в карман брюк, спросил:

– Ева, ты не будешь против, если я провожу тебя домой?

– Проводи, я живу на Крестовском, – ответила девушка так спокойно, без малейшей тени жеманства, что Теме показалось, будто они с Евой старые друзья. Она смотрела на него очень прямо и говорила уверенно, и Тема нашел в этом спокойствии благосклонность, не зная, что так девушки обычно демонстрируют отсутствие любовного интереса.

– У нас с тобой много общего, – радостно заявил Тема.

– Это что, например?

– Мы не стали пользоваться услугами старосты относительно предстоящего теста, и оба живем на островах, ты на Крестовском, а я на Васильевском.

– Ну прямо тьма-тьмущая общего, – засмеялась Ева, отдавая юноше свою сумку с планшетом.

Какое-то время они шли молча, Тема несколько раз тяжело вздохнул, и Ева не выдержала и задала вопрос, мучавший ее уже несколько часов:

– Судя по твоему настроению, новомодный робот не оправдал твоих ожиданий?

– Да, шесть месяцев работы оказались бесполезной тратой времени, да еще и маман узнала, что я аккумулятор стащил.

– И что она сказала?

– Сказала, что теперь у нее нет сына, потому что сын-вор ей не нужен.

– Это она сгоряча, – попыталась оправдать Соловьеву Ева, заглядывая в печальные глаза юноши, но потом немного подумала и добавила: – Понимаешь, за все в жизни приходится платить, это я точно знаю, усвоила в школе.

– Тебе-то за что было платить, мне кажется, ты суший ангел.

Ева засмеялась ему в ответ и, снимая свою модную курточку, подставила лицо ласковому осеннему солнцу, сожалея, что это последние теплые дни, а потом зарядят дожди, и об этих приветливых лучах можно будет только мечтать. Она забралась на поребрик и, балансируя, расставляя в стороны руки, задорно шагала, оживлённо рассказывая про лекцию по философии. В те моменты, когда солнце слепило Еве глаза, она прикрывала их, теряя на мгновение равновесие, и хваталась за рукав Артема, весело хихикала, создавая тем самым радостное настроение, и юноша постепенно снова стал веселым и беззаботным.

– Вот мы и пришли, – приглашая Тему в закрытый двор ее нового дома, произнесла Ева и сама залюбовалась идиллической картиной, которая предстала ее взору. Дворик был небольшой, и каждый его сантиметр любовно ухожен садовником, которому ежемесячно платили жители этого дома лично. Здесь росли две большие голубые ели, между которыми тянулась аккуратно подстриженная аллея из ярко-зеленых молодых туй, а у буйно цветущих клумб, создавая немыслимые узоры, стелились кусты можжевельника цвета мурины, как будто слегка присыпанные белой пудрой. В центре расположился приятно журчащий фонтан из гладко

отполированных валунов разного размера, заросших причудливыми растениями, напоминая японский садик.

– Я почему-то именно так и представлял место, где ты могла бы жить, – рассматривая инновационные фонарики, изящно расположившиеся вдоль мощеных дорожек, произнес Тема, доставая из кармана звонящий телефон. Юноша повернул экран к Еве, демонстрируя имя абонента, и они оба замерли, увидев четыре белые буквы на голубом фоне – «отец».

– Привет, – ответил Артем и, прикрывая рукой динамик, прошептал: «Я быстро».

Девушке не слышно было, что говорил отец Темы, но обрывки фраз, которые бросал в ответ юноша, она слышала отчетливо: «Ничего не выйдет, я домой сегодня не приеду», потом он произнес еще что-то непонятное и, посмотрев с улыбкой на Еву, добавил: «А я останусь у своей девушки».

Ева снисходительно покачала головой и отошла в сторону, чтобы не слышать дальнейшего разговора, как будто не желала участвовать в неоправданных, по ее мнению, затеях своего нового друга. Она сделала несколько шагов в центр двора и заметила пожилую леди, сидящую на скамейке, греющуюся в лучах заходящего солнца. Ее сухенькое тело, примостившееся на краю, было облачено в цветастое шелковое платье, доходящее до самого пола. На голове была надета широкополая соломенная шляпа, прикрывающая седые коротко остриженные волосы, и весь этот экстравагантный образ венчали бархатные туфли и сумочка-саквояж из последней коллекции любимого Евой модного дизайнера. Рядом с дамой стоял молодой человек, и по тому, как он ревностно и неустанно оказывал ей знаки внимания, было件件но, что он не кто иной, как ее внук. Юноша был невысокого роста, но при этом атлетически сложен, а на загорелом лице красовались крупные серые очень подвижные глаза. Старушка говорила отнюдь не шёпотом, поэтому все находящиеся сейчас во дворе люди слышали, как она требовала от внука беспрекословного выполнения ее прихотей. То она хотела оранжевый кленовый листок, то шишку от раскидистого кедра, который рос за оградой, а потом ей понадобились очки от солнца, а через минуту очки для дали и следом очки для чтения. Юноша без всякого раздражения доставал из сумочки поочередно то одни, то другие очки и, протягивая их бабушке, постоянно поглядывал на красивую кованую калитку, как будто кого-то ожидая. Спустя несколько минут во двор вошел рослый, стройный молодой человек с шапкой золотистых волос и принтом на толстовке в виде двух больших ангельских крыльев. Неожиданно внук пожилой леди совершенно бесцеремонно бросил свою бабушку и со словами: «Герман, сколько можно тебя ждать» – направился парню навстречу. А дама выронила из рук белый батистовый носовой платок и неуклюже начала съезжать со скамейки, пытаясь его поднять. Ева, наблюдая за этой картиной, быстро пришла ей на помощь и, подавая платочек, улыбаясь сказала:

– Вот, возьмите. Такое красивое кружево, это французское шантильи?

– О, да вы, душечка, разбираетесь в прекрасном, – скрипучим голосом произнесла старушка и, цепко схватив девушку своей костлявой рукой, пристально заглянула ей в глаза. – И как же тебя величать? Я так поняла, вы наши новые жильцы из 35-й квартиры.

– Да, мы переехали в тридцать пятую, а зовут меня Ева.

Тут старушка выпучила свои водянистые глаза и истошно закричала:

– Вова, иди немедленно сюда, это Ева, я же тебе говорила, что мне скоро отправляться на небеса, вот уже знаки, весточка из рая.

Ева, высвободив руку, пряча лицо за высокой фигурой подошедшего Темы, наблюдала, как юноша, вернувшись к старушке, начал уговаривать ее не кричать на весь двор. Но она, как и большинство плохо слышащих людей, не допускала возможности, что ее могут услышать, и продолжала объяснять внуку, что эта девушка и есть настоящая Ева, которая будет жить у них прямо над головой. Они еще долго шумели, а Ева, схватив своего гостя за руку, еле сдерживая смех, затащила его в парадную, где они громко расхохотались, быстро поднимаясь

по ступенькам со вкусом декорированной лестницы в стиле модерн на третий этаж, к квартире номер тридцать пять.

Когда молодые люди прошли в просторную гостиную, Артем остановился у входа, рассматривая фешенебельный интерьер. Он скрестил руки на груди и, опершись о косяк огромных распашных дверей из толстого фацетированного стекла с серебряной обрешёткой, присвистнув, произнес:

– А у тебя клево.

Ева поправила пышный букет гортензий, возвышавшийся на изящном столике с ониксовой столешницей, серебристые ножки которого отчетливо отражались в холодном мраморе пола цвета белого песка. Ониксом была отделана и одна стена, позади прямоугольного биокамина, верхняя часть которого была заставлена скульптурами, выполненными в стиле шумерских статуэток.

– Мы только переехали, еще даже не все вещи успели разобрать, ты проходи на террасу, там у Натали уже царит полный порядок, а я переоденусь и будем обедать, – произнесла на ходу Ева и скрылась за распахнутой в обе стороны дверью, которая открывала неестественно красивую анфиладу комнат.

Юноша прошел на террасу, утопающую в зелени, и, чувствуя усталость во всем теле от бессонной ночи и долгой прогулки, присел на белый кожаный шезлонг, плавной линией изгибавшийся на фоне керамических кадок с апельсиновыми деревьями и низкорослых экзотических пальм. Он дотронулся рукой до кожи нагретого на солнце второго шезлонга и взял лежащую на нем открытую книгу с иллюстрацией во всю страницу. Несколько минут внимательно рассматривал изображенную на ней картину и прочел вслух: «Принцесса Греза».

– О, я вижу, ты уже освоился, – послышался мелодичный голос за его спиной и, обернувшись, Тема увидел Еву в воздушном летнем платье, с легкостью бабочки порхающую на фоне ярко цветущих растений, на террасе, несвойственной для города, который называют Северной столицей.

– Какое странное название у картины – «Принцесса Греза», – задумчиво произнес Тема, протягивая девушке книгу.

Ева провела рукой по глянцевой странице и сказала воодушевленно:

– Это моя любимая картина Михаила Врубеля.

– Кто этот мужчина в красном плаще в центре картины? – внимательно глядя на Еву, спросил юноша.

– Тебя привлек красный цвет, но это не главный герой, Врубель хотел рассказать о несчастной любви трубадура из Прованса, который изображен умирающим с арфой в руках, к Мелисинде – принцессе из Триполи. Очарованный рассказами о принцессе, представлявшейся ему идеалом красоты и великодушия, юноша влюбляется и отправляется в путь, чтобы поведать принцессе о своих чувствах. В долгом морском путешествии молодого человека внезапно поражает смертельный недуг. Жизнь в нем поддерживает только надежда хотя бы раз увидеть прекрасный лик Мелисинды, являющейся ему в грезах. Борясь с болезнью, он все же добирается до дворца и умирает во время встречи со своей возлюбленной.

– А эта девушка со светлыми волосами, парящая в воздухе, и есть Мелисинда?

– Да, грустная история, правда?

– Романтика, – ответил Тема и захлопнул книгу.

Вскоре на город опустился душный осенний вечер, за окном зажглись фонари, бледными пятнами растворившиеся в густом тумане, а молодые люди сидели за обеденным столом, и Ева наливала Теме куриный бульон из фарфоровой супницы.

– Тема, а где на самом деле ты собираешься провести эту ночь? – встревоженно глядя на юношу, спросила Ева.

– В гараже. Помнишь, я рассказывал тебе про мою лабораторию? Родители и не подозревают, что я там обитаю большую часть своего времени, у меня и раскладное кресло имеется.

– А как ты собираешься подготовиться к тесту, который завтра устраивает твоя мама?

– Ну, я примерно догадываюсь, какие будут вопросы, хочешь, позанимаемся вместе?

– Конечно, хочу, – обрадовалась девушка, расставляя десертные тарелочки для румяного пирога с клубникой, который аппетитно посматривал на гостя, стоя в центре стола на хрустальном блюде.

Когда Натали вернулась домой, она была удивлена звуками заливистого смеха, который, казалось, раздавался повсюду. Дама разулась и, никем не замеченная, прошла к комнате дочери. Двери были распахнуты настежь, а на большом ковре сидели лицом друг к другу ее дочь и незнакомый юноша с взъерошенными волосами и в толстовке цвета хаки. Молодые люди расстелили свеженапечатанные на принтере на листах А3 карты, которые были сплошь заставлены фигурками: здесь были статуэтки, ранее стоящие на каминной полке, и взятые с кухни фарфоровые зайцы, которыми Натали украшала свои пасхальные композиции, позолоченные птички с туалетного столика Евы и несколько шахматных фигур. Ребята бурно что-то обсуждали, а потом, поглощенные происходящим, живо начали задавать вопросы друг другу:

– Британские колонии Латинской Америки в эпоху расцвета колониализма?

– Барбадос, Багамские острова, Британские Виргинские острова... – расставляя фигурки на карте, отвечала Ева и тут же спрашивала у Темы: – Британские колонии Азии?

– Бахрейн, Бирма, Бруней, Кувейт, Мальдивские острова, Палестина, Сингапур...

Наталья Сергеевна смотрела на незнакомца и невольно сравнивала его с Марком. Конечно, в нем не было аристократических манер и вместо крылатых выражений на французском языке он вставлял в свои реплики модные сленговые словечки, но дама была рада, что ее дочь наконец не сидит, задумавшись, у открытого окна и не теребит в руках серебряное колечко с черной полоской греческого меандра, вспоминая друзей из Союза стального кольца.

Юноша неожиданно опрокинул все фигурки, смешав их в одну кучу, и со словами: «Мы выучили больше, чем способен вместить мой мозг» – повалился на спину и заметил в дверях Натали.

– Ой, здравствуйте, – вставая, слегка смутился Тема.

– Добрый вечер, – приветливо произнесла дама, расстегивая пуговицы своего буклированного жакета, открывая изысканную нитку жемчуга. – Ева, представишь мне своего гостя?

– Да, мамочка, это Артем, мы готовились к завтрашнему тесту и даже не заметили, что уже так поздно.

Спустя час Тема, выйдя из такси, направился к железной дороге, где в зарослях низких деревьев и раскидистых кустарников виднелись крыши старых полузаброшенных гаражей. Он шел и невольно улыбался, думая о Еве, о ее необычно большой квартире, о залитой солнцем террасе. Он как будто все еще слышал ее звонкий смех и вспоминал, как спорится в ее руках все, что бы она ни делала. В его памяти возник эффектный десерт, который она легко смастерила, выложив поверх мороженого шарики арбуза и дыни, а потом, подав ему хрустальную вазочку с этим ярким десертом, хотела положить еще веточку мяты и случайно дотронулась до него своей теплой рукой. Ах, какие приятные эмоции рождали эти воспоминания, как радостно было у него на душе. Внезапно его мысли прервало шуршание осенней листвы и хруст ломающихся веток. Юноша оглянулся и с ужасом заметил, что прямо на него несется огромный пес породы кане-корсо, его массивная квадратная морда сотрясалась в такт бега, приводя в движение нависшие верхние губы. От неожиданности и испуга юноша резко махнул на собаку рукой, в которой держал мобильный телефон, и хотел что есть мочи бежать, но она кинулась на него, повалив на землю, и своей огромной челюстью впиалась ему в предплечье. От резкой боли Тема вскрикнул и, повернув голову, увидел собачьи широко раздувающиеся черные ноздри прямо у своего лица, а потом издали послышался резкий голос:

– Кукла! Кукла, ко мне, – и собака, отпустив юношу, молниеносно скрылась в зарослях калины.

Тема какое-то время лежал не двигаясь, острая боль была такой силы, что вызвала у него приступ головокружения. Затем он пошарил рукой в поисках телефона, и когда, найдя его, поднес к лицу, то с ужасом обнаружил вдребезги разбитый экран, залепленный мокрой бурокоричневой глиной. Артем в отчаянье швырнул телефон в сторону и, приподнявшись на локте уцелевшей руки, уставился на постепенно растущее кровавое пятно на куртке.

Утром следующего дня в аудитории, где собралась 112-я группа, был настоящий переполох. Студенты поделились на небольшие группы и бурно обсуждали вопросы предстоящего теста, которые им накануне разослала староста. Молодые люди сверяли ответы, спорили, если ответы были неоднозначными. И когда Соловьева вошла в аудиторию со стопкой распечатанных заданий, студенты начали неспешно занимать свои места, а она, не поднимая глаз от списка, быстро провела переключку. Когда подошла очередь фамилии Артема, то мрачная тень легла на ее и без того суровое лицо. Ева смотрела на пустой стул у окна и не могла понять, почему Тема не пришел, они же так хорошо вчера подготовились. Но долго размышлять на эту тему у нее не было времени, Валентина Ивановна положила перед ней два скрепленных между собой листка с вопросами теста и объявила: «Чтобы ответить на эти вопросы достаточно и 20 минут, но я дам вам сорок, время пошло».

Неожиданно аудитория начала наполняться еле слышным роптанием. Молодые люди ерзали на своих стульях, перешёптывались и оборачивались на старосту, а она, недоумевая, разводила руками. Вопросы, лежащие сейчас перед ребятами, совсем не соответствовали тем, которые Инга им «любезно» предоставила накануне. И только Ева понятия не имела, что готовила вся группа, она спокойно сидела и без всякого труда отвечала на один вопрос за другим, потом первая сдала свои листочки и еще успела помочь Лане. Спустя сорок минут Соловьева с большим подозрением посмотрела на эффектную, не вызывающую у нее особого расположения девушку, держа в руках ее работу, потом собрала в стопку сваленные кучей листы с тестами остальных студентов и вышла из аудитории. Что тут началось, казалось, в кабинете разорвалась мина и контузила поголовно всех. Молодые люди кричали, высказывали свое негодование старосте, некоторые даже швыряли тетради и ручки. А Инга, вся раскрасневшаяся, поднялась и громко, чтобы перекричать беснующуюся толпу, сказала:

– Я здесь ни при чем, просто кто-то настучал Соловьевой, кто-то рассказал, что у нас есть вопросы теста, и я даже знаю кто. Это наверняка ее сынок, он поэтому и не явился сегодня, чтобы мы его не растерзали.

Инга злобно сверкала глазами и сжимала руки в кулаки, а потом перевела взгляд на Еву, ища у нее поддержки. Но Ева, вознегодовав, встала со своего места и произнесла уверенным тоном:

– Как можно бездоказательно обвинять человека? Тема не мог этого сделать.

– А ты откуда знаешь, что он мог сделать, а чего не мог? Мы все здесь знакомы без году неделю, – пыталась выгородить себя староста.

Ева, конечно, могла сказать, что Тема допоздна сидел у нее дома, а потом отправился в гараж, из-за ссоры со своими родителями, потому что украл аккумулятор, но разве об этом расскажешь, поэтому она набрала полную грудь воздуха и звонко произнесла:

– Я уверена, что он не делал этого.

Вокруг воцарилась тишина, молодые люди постепенно начали успокаиваться и расходиться по своим местам, а Ева, собрав вещи, поспешила из аудитории.

Спускаясь по лестнице и поглядывая на экран телефона в надежде увидеть там сообщения от своего нового друга, она взволнованно шептала: «Ах, Тема, Тема, куда же ты подевался? Неужели проспал, когда здесь разворачиваются такие баталии, не хуже тех, про которые мы

вчера учили». Через пару ступенек ее догнала Лана, она предложила подруге половину небольшой плитки горького шоколада и, подозрительно посмотрев на нее, спросила:

– Почему ты так уверена, что Соловьев не рассказал своей мамочке про вопросы теста?

– Потому что он был у меня до самой ночи, а потом поехал в другое место, в общем, я не могу тебе рассказать, это его тайна, – уклончиво ответила Ева, чем очень расстроила Лану. Они обычно доверяли друг другу все свои секреты, и вот теперь какой-то малознакомый парень вмешался в их дружбу.

– Как ты можешь общаться с этим шутком, да еще, возможно, стукачом? – обиженно выпалила Лана и надула свои тоненькие губы.

– Лана, он хороший, с ним так весело, и я уверена, что всех подставил с тестом не он. Хочешь, в выходные соберемся у меня и вы сможете поближе познакомиться? Думаю, вы с ним подружитесь.

– Ну ладно, – ответила Лана, – только, чур, чтобы был торт, – добавила она, смеясь, и они быстро отправились в аудиторию, где их ждала лекция по этикету международного общения. Этот предмет вела эксцентричная пожилая дама с забавной шевелюрой, по всем признакам являющейся париком. Любимой ее присказкой было «С милым рай и в шалаше, если милый атташе», а лекции больше напоминали вечера воспоминаний. Сегодня она рассказывала, как была с дипмиссией в одной из стран Ближнего Востока и, отправляясь на рынок, носила в авоське вместе с фруктами пистолет, чем вызвала у студентов бурю эмоций.

Как солнце неумолимо движется к закату, подошел к концу еще один учебный день, и Ева, попрощавшись со своей подругой, вышла из университета на улицу, где ее ожидал настоящий сюрприз. Пройдя метров десять по пыльному тротуару, она услышала звук тормозов и, повернув голову, заметила поравнявшийся с ней черный автомобиль представительского класса. Окно машины медленно опустилось и перед Евой явилась сидящая за рулем Соловьева, дама жестом попросила девушку подойти.

– Ева, вы могли бы сесть ко мне в машину, мне нужно с вами поговорить.

Ева, конечно, бы ни за что не села в любую другую машину, остановившуюся сейчас перед ней, но ее приглашала сама заместитель декана и деваться было некуда. И как только захлопнулась дверца дорогого автомобиля и он начал движение, Валентина Ивановна, умело выкручивая руль на перекрестке, произнесла:

– Вы, наверное, заметили, что моего сына сегодня не было на лекциях?

– Да.

– Я хотела об этом поговорить, вы где живете?

– На Крестовском острове.

– Очень хорошо, я подвезу вас домой, – сухо процедила дама и, не давая возможности Еве прийти в себя, продолжила: – Тема вчера сказал отцу, что останется у своей девушки, но у него нет никакой девушки, я это точно знаю. А сегодня мне начальник охраны – Адам сказал, что вы накануне вместе с моим сыном покинули стены университета. Так вот, мы сейчас поедem к вам домой, вдвоем поднимемemся в квартиру, и я заберу Тему. Иначе, зная его упрямство, я могу целый год просидеть в машине у вашей парадной, а он так и не выйдет.

Ева не знала, что сказать этой уверенной в своей правоте даме. Она смотрела на город, проплывающий за окном автомобиля, на лица куда-то торопившихся людей и размышляла о том, что мы часто не задумываемся о чувствах своих близких. Иногда сгоряча брошенная фраза может ранить так сильно, что боль обиды сложно будет стереть из памяти очень долго.

– Валентина Ивановна, я, конечно, буду рада пригласить вас в гости, но Темы у меня нет.

Дама не остановилась, она продолжала уверенно вести машину и даже не повернула головы в сторону Евы, а когда они подъехали к нужному дому, она тяжело вздохнула и произнесла:

– Вам, юная леди, должно быть, кажется, что нет повода для волнения и то, что молодой человек не ночевал дома, совсем не страшно, возможно, это и так, но Артем поступил так в первый раз, и я пока не понимаю, зачем он все это делает.

– Так это же все для вас, он же вам и отцу хотел доказать, что может сделать что-то выдающееся. Этот робот, над которым он столько трудился, это все для вас, понимаете? – взволнованно и быстро, как будто переживая, что не успеет все высказать, начала объяснять Ева.

– Ах, девушка, если бы вы знали, сколько таких проектов было у моего сына, сколько его важных экспериментов мы пережили с мужем. Но сейчас у меня плохое предчувствие, сердце не на месте, у него же сахар.

– Что значит «сахар»? – удивилась Ева и от волнения почему-то начала расстегивать пуговицы пальто.

– Сахар может повиситься, у него сахарный диабет, – сжимая губы от негодования, сказала Валентина Ивановна.

С ужасом Ева вспомнила, как вчера она угощала Тему пирогом с клубникой, мороженым и еще кучей других сладостей, а он все время просил пить и не мог напиться.

– Это опасно? – встревоженно спросила Ева. – Он ел вчера много сладкого.

Валентина Ивановна наконец заметила, как нервничает сидящая рядом с ней девушка:

– Ваши руки дрожат, такое проявление волнения неприемлемо для будущего дипломата. Лучшее, что можно сделать в критической ситуации – это постараться быть полезным, – заявила она сухо. Ева в ответ сжала пальцы, пытаясь унять их предательскую дрожь, и сказала предельно спокойно:

– Вы правы, я, кажется, знаю, где он может быть. Конечно, я бы никогда не стала его выдавать, но, как и вы, очень беспокоюсь о нем. Он, должно быть, в гараже.

– В гараже?

– Да, в гараже деда, у него там лаборатория.

Когда Валентина Ивановна открыла двери обшарпанного старого гаража, от ее суровости и сдержанности не осталось и следа. Если дело касалось проблем ее сына, жесткости и непреклонности не оставалось места, хотя Тема, безусловно, с этим бы поспорил. Соловьева присела на край раскладного кресла и провела рукой по пылающему лбу юноши. Потом дотронулась до опухшей от собачьего укуса руки, тем самым разбудив Артема. Он приоткрыл затуманенные глаза, посмотрел на стоящую в широком залитом солнцем дверном проеме Еву и еле слышно сказал:

– А вот и принцесса Греза.

Соловьева, услышав слова сына, подумала: «Бедный мой мальчик, снова схватился за несбыточную мечту». Затем она перевела суровое лицо на Еву и процедила сквозь зубы:

– Об этом никому ни слова!

А Ева, чтобы не расплакаться, выбежала из гаража, так и не заметив на столе, заваленном упаковками от заказной еды, картонные коробки из-под пиццы, на которых была изображена та самая загадочная красная эмблема, которую они с Ланой обнаружили на форме сына миллионера, с золотым диском и буквами «ДП», расшифровывающимися не иначе чем «Добрая пицца».

Глава 4. Ящик Пандоры

Александр не выносил суеты ни в каких ее проявлениях, все эти торопливые, беспорядочные действия и излишняя суматоха сразу портили ему настроение, поэтому по утрам он просыпался рано, полежав немного в постели, воссоздавал в памяти увиденные сны. Потом не спеша вставал и шел в душ, там мыл свои густые черные волосы шампунем, ополаскивал кондиционером, подсушивал и, как скрупулезная модница, втирал в них средства, придающие шелковистость и блеск. Затем внимательно рассматривал в зеркале начисто выбритое лицо, специальной щеточкой укладывал шикарные брови, унаследованные от отца-южанина, и, всегда довольный своим отражением, направлялся на кухню, где его уже ждал горячий завтрак. Он усаживался за стол напротив матери, которая с безграничной любовью и переполнявшей ее гордостью наблюдала за трапезой сына. Эта невысокая полная женщина с круглым лицом, покрытым мелкой сеточкой красных прожилок на щеках и вокруг носа, была счастлива от того, что ее сын превратился в настоящего красавца, что он оправдал все возлагавшиеся на него надежды и целенаправленно двигался к своей мечте – сделать карьеру дипломата. Единственная тревога, которая иногда возникала в ее голове, так это страх, что появится девушка, которая может нарушить все их планы. Сын же ее был слишком сосредоточен на учебе и своих грандиозных целях и никогда с матерью о девушках не говорил, отчего она искренне считала, что они его и не волновали, как не волновали материальные блага и модные безделушки, а лишь наука и спорт были на повестке дня ее идеального чада.

Но сегодня день не заладился с самого утра. Приняв душ, Саша, как обычно, прошел на кухню, но вместо привычной картины он увидел сидящего за столом отца, который, как правило, выходил из своей комнаты только к обеду.

– Доброе утро, сынок, – радостно произнес мужчина, перебирая в руках два небольших бумажных листочка, по форме напоминающих игральные карты, – мы тут с мамой подумали и решили сделать тебе сюрприз.

– Я ненавижу сюрпризы, вы же знаете, – пытаюсь сдержать свой гнев и выдавив из себя улыбку, ответил юноша, усаживаясь за стол, на котором стояла тарелка с горячим омлетом и бутербродом с сыром.

– Ну это приятный сюрприз, зная, как ты увлечен теннисом, мы решили купить билеты на Международный теннисный турнир ATP St. Petersburg Open, на финальную игру, правда, пойти мы сможем только вдвоем, но, я думаю, ты будешь не против просветить старика в этом непонятном мне виде спорта.

– Вы хоть бы со мной посоветовались, а вдруг в это время у меня занятия будут, – почему-то снова вставая, возмутился Саша.

– Ну ради такого-то можно и прогулять учебу разок, – подмигивая сыну и расплываясь в добродушной улыбке, предложил пожилой мужчина.

– Но и это еще не все, – вмешалась мать Александра, – я на днях получила премию и сэкономила еще кое на чем, и смотри, какие мы кроссовки выбрали для тебя. В магазине сказали, что в таких только профессионалы играют, теперь не стыдно будет показаться на корте, а то я спать не могла, все думала, как ты в своих кедах там играешь, – закончила воодушевленно Мария Семеновна, теребя в руках обувную коробку.

– Мама, зачем ты тратилась, я уже много раз говорил, что мне все это не нужно, мне плевать на одежду.

– Ну, Сашенька, не кипятись, я рада, что ты не такой, как вся нынешняя молодежь, и тебе чужды мещанские идеалы, но все-таки от самого необходимого отказываться нельзя.

Юноша стоял, тяжело дыша, и корил себя за дикую реакцию, но совладать с собой не смог и тут же отправился к себе в комнату. Там он нервно начал складывать вещи в сумку, громко

хлопая ящиками комода, а потом дергая собачку застежки-молнии, которая не поддавалась, выругался вполголоса, чего никогда себе не позволял делать в пределах дома. Спустя минут десять, уже собравшись и полностью успокоившись, он предстал перед родителями, топтавшимися у входа, чтобы проводить своего единственного сына, и, поблагодарив их как следует за билеты и кроссовки, вышел из квартиры. Но не успел он сделать и пары шагов, как дверь отворилась и за спиной послышался голос отца:

– Саша, дорогой, что-то ты сегодня рассеянный, ракетку-то забыл.

Юноша повернулся, увидел седого, совсем уже старенького отца, и с досадой произнес:

– Ты опять все перепутал, папа, у нас сегодня праздник первокурсника, я не пойду на теннис, а после занятий поеду за город, с ночевкой, – и еще быстрее побежал по лестнице вниз, чтобы не видеть этих почтенных и дорогих его сердцу людей, которых он предавал, как ему казалось, на каждом шагу.

Выйдя во двор, Александр, минуя соседский дом и игровую площадку детского сада, повернул в расписанный осенними красками небольшой сквер. Немного пройдясь по центральной аллее, он по привычке зашел в заросшую пожелтевшим клематисом беседку и, присев на скамейку в своем укрытии, облегченно вздохнул. До начала занятий еще было много времени, поэтому он мог спокойно подготовиться к достойному появлению в его новом обществе. Сначала юноша снял с себя темный дешёвый галстук, подаренный ему матерью на первое сентября, потом надел на руку хорошую реплику швейцарских часов, снял тонкую ветровку, засунув ее в портфель, достал оттуда добротный белый кардиган, который отлично сочетался с синими брюками и красно-синим полосатым ремешком наручных часов. Затем, порывшись в кармане брюк, раздобыл белый кожаный плетёный браслет, застегивающийся на позолоченный якорек. Немного передохнув, он уверенным жестом расправил прилизанные назад волосы, так, чтобы густой чуб эффектно падал на лоб. «Вот так-то лучше», – вслух подумал юноша, еще раз встряхнул головой, то ли поправляя причёску, то ли отгоняя от себя мысли, которые могли помешать ему двигаться к цели.

А в это время в доме Евы стоял настоящий переполох, девушке нужно было собрать сразу несколько комплектов одежды, да еще и на кардинально разные мероприятия. Во-первых, она вела концерт, посвящённый дню первокурсника, и для этого Натали упаковала ей в чехол белое вечернее платье с большим жестким воланом на одном плече и изящные замшевые туфли-лодочки на шпильке. Во-вторых, Ева ехала после концерта за город, где должен был состояться грандиозный open air, для которого она взяла самый модный комбинезон. Но ей еще было необходимо остаться привлекательной и на следующее утро, поэтому девушка сложила в сумку костюм из кашемира сливочного цвета и подходящие этому образу кроссовки. Так еще и сейчас на лекциях нужно было предстать при полном параде. В общем, девушка запуталась сама и утомила Натали, предлагавшую дочери то один, то другой образ, отчего на замшевом пуфе в гардеробной образовалась уже довольно внушительная гора одежды.

Концерт казался Еве длинным и неинтересным. Ее соведущий Леша был смазлив, но откровенно глуп, у него даже не получалось прочитать напечатанные на листе реплики их диалогов. И в конце концов, чтобы не выглядеть посмешищем, зайдя за кулисы, Ева пристально посмотрела на Лешу, а потом процедила сквозь зубы: «Все, теперь ты выходишь со мной и молча улыбаешься, а вести остаток концерта я буду сама». Объявив последним номером джазовый коллектив из студентов четвертого курса, Ева, закрывая глаза рукой, чтобы не видеть, что происходит на сцене, вдруг услышала, как кто-то ее окликнул.

– Привет, ты отлично справляешься, настоящий конферансье. Похоже, у тебя опыт в этих делах, – вежливо произнес подошедший Петр Тарэк.

– Такое безобразие мне еще не приходилось объявлять, – показывая рукой на выступающих, ответила Ева. – И кто только позволил им выйти на сцену?

Петр заулыбался, выставляя свои мелкие редкие зубы, и, покровительственно похлопав Еву по плечу, произнес:

– Хорошо, Ева, теперь это будет твоя обязанность – проверять, что показывать на этой сцене, а что нет. Через месяц день факультета, можешь начинать писать сценарий, а я позабочусь, чтобы все слушались тебя беспрекословно.

Несмотря на кажущуюся самоуверенность, в душе Ева была очень застенчива, поэтому хвалебные слова Петра Тарэка и льстили ей, и пугали одновременно. Как и всякий человек, которого только что похвалили, она сразу же начала думать, как бы не испортить все в следующий раз.

В районе четырёх часов дня несколько комфортабельных автобусов остановились у больших раскидистых кедров, и молодые люди вышли на заросшую низкой травой и мягким ярко-зеленым мхом поляну, и тут выяснилось, что до снимаемой ими базы нужно идти через лес около двух километров. Ева с Ланой переглянулись и с ужасом представили, как они понесут свои довольно увесистые сумки так далеко. Ева, которая в жизни не носила ничего тяжелее дамской сумочки, стояла, удивленно глядя на подругу, и не могла проронить ни слова, потом приблизилась к ее уху и еле слышно, сдерживая смех, произнесла:

– Давай пойдем последними, чтобы никто не видел, как мы будем кряхтеть и надрываться под тяжелыми ношами.

Девушки громко расхохотались и замерли в сторонке, рассматривая всех первокурсников и устроителей вечеринки, которые бесконечной вереницей шествовали мимо них по направлению к Ладожскому озеру, а затем, схватив свои сумки, побрели следом в приподнятом настроении, предвкушая масштаб предстоящего праздника. Но они ошибались, что идут самыми последними, позади них, без какой-либо поклажи, высматривая кусты поспевшей черники, беззаботно жуя фитнес батончик, шел Матвей Жданов и, поравнявшись с девушками, просто-душно спросил:

– Хотите, я вам помогу?

– Конечно, хотим, – отдавая ему свою сумку, ответила Лана, а потом улыбнулась и добавила: – А мы думали, ты вовсе не можешь разговаривать.

– Отчего же, могу, – протягивая руку к Евиной сумке, проронил юноша, не смея посмотреть ей в глаза.

Это был тот самый молодой человек, который все время сидел в одиночестве и у которого Ева заметила бриллиант в зубе. Рыжие волосы и веснушки, покрывающие большую часть лица, придавали ему какую-то индивидуальность и этим привлекали внимание к его и без того загадочной персоне. Лана нещадно завалила юношу вопросами, а он, немного смущаясь, робко пытался отшутиться, уходя от ответа. Ева шла, поглощённая окружающей ее природой, огромные кедровые стволы с красивыми коричневыми стволами и раскидистыми ветками, казалось, сошли с картин Шишкина. Сквозь густую крону виднелось высокое голубое небо без единого облачка, мелкие кедровые шишечки перекатывались под ногами, и приятное щебетание птиц как будто перекликалось с шуршанием легких порывов теплого ветерка.

Вдруг Ева неожиданно захлопала в ладоши от восторга:

– Смотрите, мухомор, какой красивый и такой яркий, рыженький, прямо похож на... – и она обернулась к ребятам и посмотрела на Матвея, который заулыбался и произнес своим низким голосом:

– Ты хотела сказать, похож на меня?

– Нет, я хотела сказать, на солнышко.

– Ой, да их здесь целая куча, – громко перебила подругу Лана и, сойдя с тропинки, начала углубляться в чащу.

– Мы должны сфотографировать эту сказочную поляну и немедленно послать Натали, – догоняя подругу, прокричала Ева, и они обе исчезли из поля зрения Матвея. Юноша, поставив их сумки на камень, присел рядом прямо на траву и, невольно улыбаясь, прислушивался к веселому хохоту двух неугомонных подружек, который доносился из-за зарослей пышных кустов калины. Этот рыжеволосый парень с большим ртом, похожий на сказочного персонажа, на самом деле был застенчивый и даже немного угрюмый. Он сложно сходился с людьми и часто погружался в мучавшие его переживания, не замечая, что происходит вокруг. И в свои восемнадцать лет не мог похвастаться ни одним любовным приключением, да и друзей за все эти годы у него было только двое, и то, поступив в вузы, они разъехались по разным городам. Матвей сидел, запрокинув голову вверх, глядя на небо, и вдруг прямо над ним начала кружить огромная птица, она расправила свои крылья и зависла в воздухе, явно высматривая добычу. Юноша даже немного испугался, такой грозный вид был у этого хищника, в какой-то момент ему показалось, что птица сейчас сложит свои крылья и камнем устремится вниз, выставив мощные когти. Когда Матвей вскочил на ноги, птицы уже не было видно, а он тут же достал телефон и в интернете начал искать хищных птиц Ладожского озера. И, пересмотрев всех, понял, что над ним кружил белохвостый орлан, который на лету выхватывает рыбу прямо из воды. Ему сразу показалось, что эта птица неспроста кружила над его головой, она пыталась напомнить, что он не смеет беззаботно наслаждаться жизнью, потому что еще не искупил вину, вину, которая гложет его уже два года. Он рухнул на землю, закрывая лицо руками, будто пытаясь оградиться от страшного знамения, и не успел прийти в себя, как появились девушки. Ева протянула ему сложенные вместе ладони, в которых лежали мелкие ягодки черники вперемешку с большими бусинами спелой брусники. Матвей, конечно, знал, что есть немые ягоды из лесу нельзя, его мать была врачом-стоматологом, и она-то уж не раз ему рассказывала, какого вида бактерии могут гнездиться в диком лесу. Но когда Ева подняла на него свои огромные карие глаза и нежно произнесла: «Это я для тебя собрала, представляешь, первый раз в жизни собирала ягоды», то Матвей без тени сомнения подставил свои руки под ее теплые ладони и пересыпанные ягоды не задумываясь отправил себе в рот.

– Ты что, они же грязные, я не думала, что ты станешь их есть! – засмеялась Ева, отряхивая руки.

– Это ерунда по сравнению с тем, что сейчас надо мной кружил огромный орлан белохвост, мне в какой-то момент показалось, что он выбрал меня в качестве жертвы, – зловеще понижая голос, ответил Матвей.

На что Лана, заметившая, как он завороченно смотрит на ее подругу, с ироничной усмешкой произнесла:

– Ты и так уже попался в сети, из которых навряд ли сможешь выпутаться без потерь, – и многозначительно перевела взгляд на Еву.

Спустя минут сорок молодые люди наконец добрались до небольших коттеджей, выстроенных с двух сторон посыпанной гравием аллеи с красивыми уличными фонариками. С виду коттеджи казались игрушечными, да и внутри были не больше Евиного домика для Барби, который ей отец устанавливал на идеально подстриженной лужайке загородного особняка. Но и даже такого незатейливого дома им не досталось, дойдя до самого крайнего, их последней надежды, ребята обнаружили, что он тоже занят.

– Послушай, Ева, – беря подругу под руку произнесла Лана, – твой Тарэк – председатель студсовета, он здесь за все отвечает, может, позвонишь ему?

Но звонить не пришлось, Петр Тарэк вместе со своим несменным помощником Максимом прохаживался по главной аллее, рассматривая территорию. Еве не очень нравился этот юноша и обращаться к нему, тем более с просьбой, она не хотела, но оставаться на ночь просто на улице тоже не входило в ее планы, поэтому, немного помедлив, она сделала над собой усилие и, повернувшись в сторону Тарэка, легонько помахала ему рукой. Петр сразу отреагиро-

вал и через минуту уже стоял возле девушек и, слегка склонив голову, делая вид, что всецело поглощён их проблемой, внимательно выслушал возмущенную речь Ланы.

– Так, очень странно, значит, вам двоим не хватило места?

– Нет, с нами Матвей Жданов, он все еще надеется найти для нас свободный домик.

– Сейчас я все выясню, – покровительственным тоном произнес Петр и, резко повернувшись, направился к крытой деревянной сцене, где приглашенный диджей устанавливал свою аппаратуру. Максим посеменил следом, слегка подпрыгивая на своих коротеньких ножках, словно шакал Табаки последовал за своим Шерханом.

– Макс, как так получилось, что домики такие маленькие, так еще и троим не досталось места? – гневно сверкнув глазами на помощника, спросил Петр.

– Ну, пришлось заказать на один коттедж меньше, я надеялся, что не все приедут.

– Ты что, как тебе пришло такое в голову?

– А откуда, ты думал, взялась еда и выпивка, ну и так, по мелочи еще пришлось потратиться, – без тени смущения ответил Максим.

– Все бы ничего, если бы там не было этой девицы, на которую у меня особые планы, – недовольно буркнул Тарэк и, бросив своего невозмутимого помощника, снова отправился к девушкам, к которым присоединился вернувшийся с безуспешных поисков Матвей.

Петр пронзительно-искренним взглядом посмотрел на Еву и, несколько раз извинившись, сообщил:

– Произошла какая-то путаница, я непременно во всем разберусь, а сейчас предлагаю пройти в домик, где расположились наши ребята, там как раз живет Инга.

Говорил он это учтиво, взяв в обе руки сумки девушек, увлекая их за собой к четвертому коттеджу, где громко играла музыка и на застекленной террасе двое юношей гонялись за Ингой, прятавшей за спиной небольшую умную колонку в форме цилиндра, из которой и исходил оглушительный грохот тяжелого рока. И как только дверь отворилась и на пороге появился сначала Тарэк, а за ним и остальные, юноша с длинными светлыми волосами, убранными в хвост, выхватил у Инги колонку и нажал кнопку «Выключить».

Вновь прибывшие, выстроившись в одну линию, стояли лицом к обитателям коттеджа, которые, в свою очередь, недоумевая глядели то на Тарэка, то на непрошенных гостей.

– Инга, – начал Петр, аккуратно размещая сумки на плетеном кресле из искусственного ротанга, – у нас произошла путаница, вот пришли к вам за помощью, нужно приютить ребят.

Он специально сказал Инге, будто вынужден обратиться к ней за помощью, отлично понимая, что ей будет это лестно.

– Но у нас нет свободных мест, – вмешался обладатель не совсем мужской прически.

– Так вас трое, а кроватей четыре, – настаивал Петр.

– Это для диджея, он уже там и вещи свои сложил.

– Ну и отлично, мы поступим следующим образом: парни, вам я вверяю девушек, вы их приютите, ну а ты, Инга, возьмишь к себе спать Матвея. Давайте все устроим по-взрослому, вы же уже студенты, а не детвора из детского сада, – весело повышая голос, закончил свою речь Петр и быстро вышел из коттеджа, аккуратно притворив за собой дверь.

Молодые люди какое-то время продолжали стоять, разглядывая друг друга, пытаясь осознать последние слова Тарэка. Потом Инга, как всегда, взяла инициативу в свои руки и, схватив Матвея за рукав, потащила в единственную комнату коттеджа.

– Пошли, я покажу тебе наше ложе, – весело, своим сиплым голосом, который напоминал больше шипение, чем смех, произнесла девушка и, обернувшись на ребят, добавила: – Что замерли, разбирайте девчонок, пока предлагают.

Матвей посмотрел на Еву, в его глазах читался испуг вперемешку с надеждой на спасение от цепких лап властной Инги. Лана тоже, недолго думая, стараясь предупредить момент, когда оба парня выберут Еву, быстро подошла к смуглому стройному юноше и, узнав его имя, спро-

сила, куда можно поставить сумку. Ева же решила, что спать сегодня не будет, для нее это не было проблемой. Часто, устраивая пижамные вечеринки у себя дома, она веселилась до утра, а потом, умыв лицо прохладной водой, могла спокойно кормить гостей завтраком, совсем не испытывая при этом никакого недомогания. Ева, так и оставив свою сумку на террасе, вышла на улицу, вдыхая прохладный озерный воздух. Она шла вдоль коттеджей, думая об Алексе, сегодня он на лекциях был особенно хорош, в белом кардигане, который так выигрышно подчеркивал его смуглое лицо и черные волосы, а уверенный сильный голос и манера держать себя – подкупали. Им были покорены все девушки 112-й группы, а Маша Гончарова даже вчера после пар предложила его проводить домой, чем шокировала не только одноклассников, но и самого Александра. Он остолбенел от ее предложения, а потом испуганно выпалил: «Мне нужно на тренировку», – и быстро скрылся в недрах бесчисленных коридоров университета.

– Ева, почему ты не отвечаешь? – недовольно произнесла Лана, беря подружку под руку. – Я зову, зову тебя, а ты даже не оборачиваешься.

– Я просто задумалась.

– О чем, если не секрет?

– Точнее сказать, о ком, – кутаясь от порывов ветра, внезапно налетавших с берега озера, в свой трикотажный жакет, отороченный мехом ламы, ответила Ева и, прижимаясь к плечу подружки, начала рассуждать: – Мне не дает покоя эмблема на куртке Алекса, я ее точно где-то видела, но никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах.

Когда уже совсем стемнело и на импровизированном танцполе веселилось огромное количество новоиспеченных студентов под зажигательные миксы популярного диджея, Ева вспомнила, что привезла с собой для этого случая серебристый комбинезон, и отправилась в коттедж, чтобы переодеться. На террасе горел свет, вокруг были разбросаны вещи, смятые бумажные стаканчики и пустые пластиковые бутылки. Она поморщилась от непривычного для нее хаоса, с трудом разыскала свою сумку и прошла в комнату, чтобы надеть комбинезон. Там у открытого окна сидел Матвей и грустно наблюдал за танцующими вдалеке первокурсниками.

– Матвей, ты почему здесь грустишь в одиночестве?

– А я редко танцую, да и не знаю там никого.

– Ну ты так никогда никого и не узнаешь, сидя здесь, сейчас я переоденусь и пойдем зажигать. Жаль, что Темы нет, он бы быстро зарядил тебя нужным настроением.

– Ты имеешь в виду Соловьева, а почему он не приехал? – спросил юноша, выходя на террасу, давая Еве возможность переодеться.

– Его укусила огромная собака породы кане-корсо, а когда я узнала ее кличку, то просто ужаснулась. Представляешь, это впечатляющее создание, которое использовали в древнем Риме для травли гладиаторов, назвали Куклой. Дикая ирония, как подумаю об этом, так от ужаса дух перехватывает, – рассказывала Ева, расправляя складочки на своем модном одеянии, затем надела крупные серьги для завершения образа и, соблазнительно посмотрев на Матвея, добавила: – Ну, что, пошли веселиться!

Юноша безоговорочно последовал за своей новой подружкой с неизменно отрешенным лицом, но внутри него бушевали такие эмоции, что ему стоило больших усилий не закричать на весь мир: «Ура, я везунчик, со мной идет красотка Ева!». Но когда они подошли к танцполу, Ева сразу заметила Алекса, который танцевал с Машей, девушка обвивала руками его шею, запуская пальцы в копну блестящих волос, а он всем своим видом давал понять, что готов принимать ее ухаживания, что он просто создан для того, чтобы его обожали.

– Знаешь, мне как-то расхотелось танцевать, да и прохладно, – обратилась к своему спутнику Ева, – я надену что-нибудь потеплее и пойдем на берег озера, оно так призывно шумит.

Матвей был несказанно рад остаться с Евой наедине, и так как ноги все время грузили в песке, то, предложив ей взять себя под руку и украсив свое лицо глупой улыбкой, никому не заметной в темноте, он повел свою спутницу сначала обратно к коттеджу, а потом к воде.

Ладожское озеро выглядело необъятным, от его внушительных размеров создавалось впечатление, будто молодые люди вышли на берег океана. Вода была такой прозрачной, что можно было разглядеть песчаное дно в ряби крошечных волн, плескавшихся у огромных скользких камней. Они, словно отполированные острова, хаотично торчали из воды, покрытые еле заметными водорослями. Песчаный берег был неширокий и заканчивался дивным хвойным лесом, где величественные кедры перемежались с раскидистыми темно-зелеными соснами.

– Как у вас здесь красиво, – задумчиво оглядываясь вокруг себя, произнес Матвей.

– Почему у нас, ты не из Питера? – удивилась Ева, рассматривая след от своих кроссовок на мокром песке.

– Я приехал издалека, раньше жил в Якутии.

– Ух ты, там, наверное, очень холодно? – Ева как-то оживилась и, присев на деревянную скамейку, стоящую лицом к озеру, спросила загадочным тоном: – Днем, увидев орлана, ты что-то говорил про Бутылочную скалу, расскажи мне о ней.

– Да, эта история заслуживает особого внимания, в Нерюнгринском районе есть Бутылочная скала, о которой слагают легенды. Говорят, что умеющий правильно всматриваться в нее обязательно увидит птицу, то есть получит абсолютную свободу, которая и есть не что иное, как смысл человеческого бытия.

– Как интересно, наверно, там постоянно толпы народа собираются, в надежде обрести эту пресловутую свободу?

– Все не так просто, – задумчиво промолвил юноша. – Местные жители считают, что путь пришедшего к скале приводит либо к здоровью, либо к смерти, поэтому смелости пойти туда хватает не у многих.

– А ты был? – спросила девушка, пристально посмотрев Матвею прямо в глаза. Этот чарующий взгляд и прямой вопрос были такими неожиданными, что ему показалось, все пространство позади Евиного лица вдруг потеряло четкость очертаний и смешалось в один большой kaleidoscope. Огоньки воодушевления, которыми светились Евины глаза от его рассказа, заставили юношу горько пожалеть, что, отправляясь к Бутылочной скале, он повернул обратно на полпути и сейчас не мог похвастаться перед этой красавицей своим мужеством. Матвей потупил взор и, отшвырнув лежащий у его ног небольшой камешек в сторону, небрежно произнес:

– Как-то не довелось.

– Жаль, я бы непременно туда отправилась, – подставляя свое лицо порыву прохладного ветра, мечтательно произнесла Ева.

– Глядя на тебя, не скажешь, что ты испытываешь какие-то ограничения и ищешь свободу.

– А я, как Кант, думаю, что свобода – это возможность ограничивать себя самому, – заявила Ева и подняла руку, чтобы поправить растрепавшиеся волосы. По ее запястью скользнул браслет, поблескивая в лучах одного из фонарей, которые ровным рядом выстроились на набережной позади утопающих в песке скамеек.

– Какой у тебя интересный браслет, – проговорил Матвей, слегка касаясь Евиной руки.

Обычно Матвей не обращал внимания на женские украшения, но сейчас ему так хотелось поддержать Еву за руку, он даже подумал, что здесь, в уединении, они могли бы и поцеловаться, поэтому, заметив браслет, сразу решил воспользоваться ситуацией. Юноша начал нежно водить пальцем по маленькой золотой монетке, висевшей на тонкой цепочке, делая вид, что рассматривает ее, но на самом деле ощущал только тепло атласной кожи Евиного запястья.

– Да, браслеты – это моя страсть, – высвобождая руку, ответила девушка, – а этот вообще особенный, эту монетку мне привез отец из самого долгого в своей жизни плавания, а потом заказал ювелиру оформить ее как браслет. Теперь я ношу его «на удачу», когда отправляюсь в незнакомые мне места.

– Ева, ты такая необычная девушка, – слегка волнуясь, начал говорить юноша, и по его выражению лица Ева поняла, что он собирается сказать что-то очень важное, но тут послышались голоса и на берегу показались Лана в обнимку со старостой. Она весело что-то напевала и, раскачиваясь из стороны в сторону, радостно махала Еве руками.

– Тарэк позвал избранных на посвящение, мы ждем только вас, – прокричала Лана и с визгом, подпрыгнув от накатившейся волны холодного озера, схватила Ингу за руку и громко расхохоталась.

– Похоже, твоя подруга выпила, – проронил Матвей, недовольный, что их уединению пришел конец, и, засовывая руки глубоко в карманы брюк, медленно побрел за Евой.

До ожидавшего их автобуса молодые люди добрались очень быстро, и как только Матвей, заходивший последним, оказался в салоне, дверь закрылась, и компания, состоящая из 17 человек, отправилась в путь. Максим, боясь не успеть объяснить первокурсникам условия предстоящего посвящения, сразу взял слово. Он сначала поприветствовал всех и поздравил с тем, что их отобрали для участия в состязании, потом предупредил, что, скорее всего, не все смогут дойти до конца, и в завершение начал рассказывать об организации и условиях испытаний. «Как вам, должно быть, известно, в нашем университете есть тайная организация, которая называется «Герион», по имени древнегреческого трехголового великана. В ней, естественно, есть определенная иерархия. Студенты пятого курса занимают все основные руководящие должности, и называются они «орфы», но существуют и исключения, иногда в орфы могут попасть даже первокурсники. Промежуточное звено – студенты третьих, четвертых курсов, они называют себя «теламонами», эдакая поддержка старших и помощь младшим. Ну а новичков называют «стадом Гериона», так что, как это ни странно звучит, но вам предстоит побороться сегодня, чтобы попасть в это стадо», – на подъеме закончил вступительную речь Максим и, чтобы перевести дух, присел на переднее сиденье. Но сидел он недолго, что-то почитал в телефоне, сделал пару глотков воды из пластиковой бутылки, затем потер салфеткой слезившийся красный глаз и снова встал.

– Ну а теперь я расскажу об испытаниях, которые вам предстоят, – начал юноша, глядя поверх голов первокурсников, чтобы не встретиться ни с кем конкретно взглядом. – Сейчас поочередно мы будем высаживать вас на обочине у края лесного массива. Вы должны оставить мне свои телефоны и наручные часы, у кого они есть, а взамен получите вот такой ящик, содержимое которого может вам помочь в пути. Обратите внимание, ящик этот опечатан, и открыть его можно только в крайнем случае, а лучше, если вы завладеете чужим ящиком, принесете его как трофей и вручите одному из орфов. По пути вас ждет несколько испытаний, которые будут проводить теламоны, но самое главное, через два часа после высадки вы должны добраться до водопада, где и пройдет церемония посвящения в члены Гериона. Да пребудет с вами разум! – закончил он свою речь девизом организации.

– А как же мы найдем водопад в лесу без карты и компаса? – послышался голос с заднего сидения автобуса.

– В этом и заключается самая главная часть испытания – не сможете найти водопад, значит, не станете частью Гериона, – равнодушным тоном ответил Максим и попросил водителя сделать остановку.

Первым вызвался испытать свои силы белобрысый парнишка низкого роста, он постоянно ходил в черной одежде и был таким незаметным в группе, что Ева так и не смогла запомнить его имени – то ли Костя, то ли Коля. Юноша быстро снял свои наручные часы, бросил

на переднее сиденье дорогуший телефон и выскочил из автобуса, как только открылись двери, словно боялся передумать, а может, наоборот, переживал, что его кто-то посмеет остановить.

– Я не хочу бродить одна по лесу, – испуганно глядя на Лану, тихо сказала Ева.

– Да, странная идея нас разъединить, вместе мы бы точно нашли этот водопад, а поодиночке... – Лана тяжело вздохнула и закрыла глаза, облокотившись о спинку мягкого сиденья. – Я зря пила вино, думаю, вообще не смогу идти.

Тут в разговор вмешался Матвей, он подошел к их сиденью и, нагнувшись, так, чтобы никто не услышал его слов, тихо предложил:

– Вы никуда не уходите с обочины, я выйду первым, а вы постарайтесь на следующей остановке, по очереди. Идя по дороге вслед за автобусом, я найду вас, и мы вместе отправимся в лес.

– Хорошо придумал, после тебя выйдет Ева, а потом я, – пробормотала Лана и снова закрыла глаза.

Еву Матвей нашел буквально через десять минут, а вот Ланы на месте не оказалось, и молодые люди приняли решение не отправляться к водопаду, пока ее не найдут. Они потоптались на месте Ланиной предполагаемой высадки и, решив, что она их попросту не дождалась, отправились в лес. Вековые деревья уходили в звездное небо, мягкий мох вперемешку с опавшими листьями и потемневшей хвоей устилал землю пушистым ковром, дышалось легко, и приподнятое настроение делало путь вполне приятным, но чем дальше молодые люди углублялись в лес, тем напряженнее становилась обстановка. Появились густые заросли кустарников, высокая трава путалась вокруг ног, плотные кроны почти не пропускали тусклый свет луны. Периодически на деревьях попадались красные метки, которые, как им казалось, указывали путь к водопаду. Но пугающие звуки ломающихся веток, крики птиц и еще множество непонятных шорохов слышались то с одной, то с другой стороны, путая сознание.

– Как ты думаешь, здесь водятся дикие животные?

– Насчет животных не знаю, но что водятся дикие люди – это факт, и лучше, чтобы они тебя не видели, – громким шёпотом заметил Матвей, пряча Еву за себя, прижимая своей спиной к широкому стволу огромного кедра. Он стоял и не мигая смотрел на троих приближающихся молодых мужчин в грубых резиновых сапогах, кепках, у одного из них через плечо было надето охотничье ружье. Они казались пьяными и развязными. Матвей, хорошо зная физиологию человека, чувствовал, как адреналин, выброшенный надпочечниками в его кровь, делает что-то невыносимое с организмом: сердце бешено колотилось, дыхание стало частым, на лбу выступили капельки пота, а в висках стучала пульсирующая кровь, и две мысли в его голове боролись, перебивая друг друга. Первая – какие желания может вызвать у этих мужчин юная Ева, встреченная в пустынном темном лесу, и вторая – как он сможет ее защитить.

Через несколько секунд, поравнявшись с Матвеем, мужчины остановились, и один из них грубо буркнул:

– Что уставился, заблудился что ли?

– Нет, я отца жду, он за удочками пошел, рыбачить будем, – начал выдумывать юноша, желая показать, что он здесь не один и в любой момент может появиться его отец.

– Рыбачить, – со смехом отозвался второй, более мощный детина и, подойдя ближе, зловеще добавил: – Не слонялся бы ты здесь, а то еще, не ровен час, подстрелю случайно, – и они все втроем залились раскатистым хриплым хохотом.

Матвей стоял как вкопанный, ему казалось, что он даже забыл дышать от волнения, и когда мужчины, продолжая свой путь, отошли от него на несколько шагов, и он начал приходить в себя, вдруг тот, который все время молчал, обернулся и, вытаращив глаза, прокричал:

– Миха, он там что-то прячет за спиной, погляди!

Матвей понял, что больше скрывать присутствие Евы ему не удастся, и, крепко схватив ее за руку, скомандовал:

– Бежим!

Молодые люди что было сил неслись по лесу, шарахаясь из стороны в сторону. Они не понимали, в каком направлении движутся, налетая на густые кустарники, царапали себе руки и каждый раз вздрагивали от хруста ломавшихся под ногами веток валежника, думая, что это выстрел несуществующих преследователей. Остановились они только тогда, когда Ева совсем выбилась из сил и, прислонившись к дереву, произнесла:

– Все, я больше не могу.

Она стояла, тяжело дыша, и не верила своим глазам: прямо перед ней, облокотившись о ствол, сидела Лана, обнимая руками открытую коричневую коробку. Ева вместо того, чтобы рассказать подруге, как она рада, что нашла ее, вдруг громко вскрикнула:

– Лана, что ты натворила, ее же нельзя было открывать!

– А что мне оставалось делать, я не знала, куда идти, – простонала Лана.

– И куда ты дела содержимое этого ящика? – присаживаясь возле девушки на корточки, с интересом оглядываясь по сторонам, спросил Матвей.

– А там ничего не было, ящик был пуст.

– Как пуст? – удивилась Ева и тоже присела рядом с друзьями. У нее все еще не восстановилось дыхание от бега, на руке появилась длинная царапина, и мягкий костюм приятного сливочного цвета был заляпан мелкими каплями грязи.

– Вот так, пуст и все, я хотела найти какую-нибудь подсказку в нем или хоть фонарик, но открыла, а там ничего нет.

Матвей потряс свой ящичек и прислушался, потом взял Евин и тоже потряс.

– Да, и в наших, скорей всего, ничего нет. Зачем же тогда нужно было опечатывать их? И вообще, они нам только мешают двигаться.

– Может, для этого и дали эти ящики, чтобы нам было сложнее добраться до нужного места? – с интересом взглядываясь в лица друзей, ища в них поддержку своему предположению, спросила Лана.

Но Матвей в этот момент озабоченно взял Еву за руку и подставил ее под слабый свет луны, которая наконец поднялась над лесом. На запястье виднелась припухшая глубокая царапина с мелкими капельками подсохшей крови.

– Болит?

– В этой суматохе я мало что вообще чувствую, вот только волнуюсь, чтобы не осталось шрама.

– Как вы уже знаете, я живу в семье врача, поэтому могу сказать, что, судя по рванному краю раны, шрам вполне может остаться, следовательно, ее нужно обработать и туго перевязать, – промолвил Матвей и начал рыться в своих карманах.

– У нас все равно ничего нет, так что давайте лучше отправимся дальше, – ответила Ева, натягивая на рану рукав мягкой кофточки.

– Мы сейчас примотаем лист подорожника, так хоть не начнется воспаление, – радуясь своей идее, сказал Матвей и начал шарить руками в мокрой траве. Потом он сорвал большой темно-зеленый лист, бережно приложил его к Евиной ране и плотно прибинтовал своим нарядным галстуком, который он днем спрятал в карман брюк, сразу после концерта, посвященного дню первокурсника. – Теперь все будет хорошо, – негромко сказал юноша и ласково погладил девушку по руке.

– Мне кажется, я догадалась, в чем здесь дело, – вдруг оживилась Ева и, позабыв даже поблагодарить Матвея за оказанную ей первую помощь, начала рассказывать с волнением в голосе: – Помните, что нам сказал Максим, когда раздавал эти ящички? Он сказал, что открывать их нельзя, но если ситуация все-таки будет безвыходной, то их содержимое поможет нам.

– И чем же может помочь нам пустой ящик?

– А он не пустой, там – надежда!

– Надежда? – выпучив глаза, спросила Лана и еще раз заглянула в свой ящик.

– Ну да, надежда, как в ящике Пандоры, – Ева поднялась и начала рассказывать: – Когда Прометей похитил огонь с Олимпа, Зевс, царь богов, отомстил, подарив созданную им Пандору брату Прометею, Эпиметею. Пандора открыла оставленный на его попечение ящик с болезнями, смертью и многими другими напастями, которые в результате этого были выпущены в мир. Хотя Пандора поспешила закрыть этот ящик, но было уже поздно, в нём осталась только одна сущность – надежда.

– Так, стало быть, я теперь должна радостно подпрыгивать и надеяться, что все-таки когда-нибудь доберусь до места церемонии посвящения?

Ева не отреагировала на сарказм подруги, она рассматривала тонкую тесьму, на которой висела разломанная пополам сургучная печать красного цвета.

– Что мы теперь будем делать с твоей печатью, вдруг тебя из-за этого не примут в организацию?

– Да ладно Ева, ты похлопаешь своими кукольными глазками и уговоришь Тарэка. Хоть раз кто-нибудь смог устоять перед твоим обаянием? – улыбаясь набок, произнесла Лана и начала подниматься, чтобы продолжить путь, но выпитое час назад вино все еще не давало ей возможности нормально двигаться. Она повисла на руке Матвея и, тяжело вздохнув, спросила: – А что ты молчишь?

– Я думаю.

– О надежде? – засмеялась в ответ Лана и кинула свой ящик на землю. – Я не потащу его, мне и так сложно идти.

Матвей снял свою толстовку и туго затянул канат, который регулировал ширину капюшона.

– Смотрите, получился настоящий вещмешок, сложим сюда эти коробки, я их понесу, так вам легче будет пробираться сквозь чащу, а то у нас уже есть первое ранение.

Еве идея понравилась, она тут же отдала Матвею свою деревянную шкатулку, которую все почему-то упорно называли ящиком, и с облегчением потрясла затёкшей рукой, но тут к ее уху прильнула выпившая подруга:

– Послушай, дорогая, а ты, по-видимому, забыла, что тот, кто завладеет чужим ящиком и принесет его Тарэку в качестве трофея, получит какие-то важные бонусы, вдруг Матвей...

Но договорить ей не удалось, Матвей резко повернулся в их сторону и сухо сказал:

– Лана, если ты такого обо мне мнения, то свой ящик можешь оставить при себе.

На что Лана в ответ только тяжело вздохнула.

Молодые люди собрались с духом и решили предпринять еще одну попытку отыскать водопад, у которого должна была состояться церемония посвящения, продолжая двигаться по красным меткам, развешенным на деревьях. Матвей шел первым, прокладывая путь среди колючих зарослей можжевельника и молодых елей, следом за ним Ева, и тут же, повиснув на ее руке, тащилась Лана. Шли молча, проложенная через густой лес тропа была узкой и скользкой от влажной глины, в ее углублениях в бледном свете луны поблескивали маленькие лужи. Лана часто поскользнулась, но уже чувствовала себя вполне протрезвевшей, думая, что, несмотря на сложности, ей очень нравится это приключение, и, если ее не примут в организацию из-за злосчастного ящика, будет очень печально. Через минут двадцать бессмысленного блуждания по лесу Лана уже сама поддерживала за руку более изнеженную, чем она, подругу, здраво оценив обстановку, остановилась и твердо сказала:

– Метки на деревьях перестали появляться, мы либо сбились с пути, либо их кто-то специально снял. Дальше идти нет смысла, нам нужен новый план.

– Да, ты права, кто-то явно рассчитывает прийти первым и получить бонусы, которые сулят неизвестные нам привилегии, – начал рассуждать Матвей, потирая лоб, словно пытался таким образом заставить мозг работать более продуктивно. – Я думаю, стоит выйти к реке,

нужный нам водопад наверняка должен впасть в реку, мы доберемся до ручья и поднимемся по нему к водопаду.

– Ура, отличный план, – промолвила Ева и радостно обняла юношу за шею, – наконец появилась надежда, что мы выберемся из этого жуткого леса.

Матвей, почувствовав теплую щеку девушки, прикоснувшуюся к его шее, принял это как самое большое вознаграждение за идею. Ему было сложно представить, что еще вчера они с Евой даже не разговаривали, а сейчас общаются так легко и непринужденно, что сторонний наблюдатель мог подумать, будто они давние друзья. Он уверенно взял Еву за руку и в приподнятом настроении направился в сторону, где, по его предположению, могла находиться река.

В то время, когда Ева с друзьями бойко шагала по песчаному берегу, будучи уверенной, что еще немного, и их испытания, наконец, закончатся, Петр Тарэк спрашивал у своего помощника, что происходит в лесу.

– Наши наблюдатели сообщили, что все потихоньку приближаются к первой полосе препятствий, только вот Ева, она уже начала собирать вокруг себя компанию. Боюсь, если бы у нее был еще час времени, то она могла бы возглавить свою собственную организацию, – посмеиваясь рассказывал Максим, закуривая сигарету.

– Давай без намеков, просто доложи, что там происходит, – сухо проговорил Петр, явно раздраженный услышанным.

– Ну сначала она объединилась с Матвеем, помнишь, такой рыжий, ты еще говорил, что у него предок руководит строительством дорог. Потом к ним присоединилась Лана – никчёмная Евина подруга. А сейчас они помогают Толяну, он подвернул ногу, так эта мелкотня даже соорудила для него костыль. Представляешь, это при том, что я ясно им дал понять, что сегодня главная цель – прийти первым и попытаться завладеть чужим ящиком.

– Пошли на них охотников, пусть попугают, внесут сумятицу.

– Я уже посылал, это их только сплотило.

– Так придумай что-то другое! – выходя из себя, гневно выкрикнул Тарэк, и от сильного напряжения на его лбу появилась толстая вена, которая делала его похожим на инопланетного пришельца.

– Придумывать нет времени, вот пришло смс, что их компания уже подошла к первому пункту.

– Ну пусть дадут жару этой девчонке, помучьте ее как следует, нужно сбить с нее спесь.

– Но я думал, она тебе нужна для особенной цели, – недоумеваая спросил Максим.

– Думаю здесь я, а ты выполняешь, – прикрикнул Петр, теряя терпение.

Не подозревая о планах Тарэка, Ева вместе с друзьями подошла к первой стоянке, которая состояла из раскладного стола, красной ленты, протянутой между двух деревьев, и трех теломонов-старшекурсников, стоявших по другую сторону. К высокому дереву был привязан беспроводной светодиодный фонарь. Несмотря на свои небольшие размеры, он ярким лучом освещал уставшие лица прибывших ребят. Не давая им отдохнуть и даже опомниться, наблюдатели поставили на стол белые пластиковые тарелки, больше напоминающие восточные пиалы, положили одноразовые вилки и начали объяснять, что дипломаты, прибывая с дипмиссией в разные страны, обычно попадают на приемы, где должны чтить обычаи принимающей стороны и обязаны, по правилам этикета, отведать блюда национальной кухни, даже если, по их мнению, это есть невозможно.

– Сейчас вам, как будущим дипломатам, предстоит съесть предлагаемую нами еду, да так, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. А чтобы вы не пытались еду выбросить на землю, есть ее придётся, стоя вот на этом белом щите, на котором будет видна даже крошечная соринка. Кто первый?

– Давайте я, – спокойно сказал Матвей, делая шаг вперед. Он прошел на щит и, обернувшись на стоящих позади друзей, приободряюще помахал им рукой.

– Пожалуйста, вот жаренные тараканы, – протягивая ему тарелку с обугленными насекомыми, произнес теламон и, не сдержавшись, глупо хихикнул.

Матвей быстро закинул горстку чего-то непонятного себе в рот и не жуя проглотил, даже не заметив, какова эта еда на вкус.

– Я бывал не раз в Китае, так что тараканами меня не удивишь, – сухо заявил юноша, высоко поглядывая на теламона, и по всему было видно, что он просто рисовался перед Евой.

Отвечать ему никто не стал. Его сразу перевели за красную ленту и сказали, чтобы он быстро отправлялся к следующему этапу, но Матвей, как только вышел за территорию, выхваченную светом фонаря, остановился и, спрятавшись в зарослях калины, стал ждать товарищей. Следующей пройти испытание вызвалась Лана, ей предложили съесть лягушачью лапку, но когда девушка сунула кусок предложенного мяса в рот, то по вкусу оно напоминало куриное бедрышко, и она прожевала его без всякого отвращения. Когда же к столу подошла Ева, предложенное ей блюдо вызвало удивление у всех собравшихся на стоянке молодых людей.

– А вы, девушка, попали в экзотическую страну и должны попробовать блюдо национальной кухни аборигенов. Это сырое мясо ежа!

Ева держала в руках тарелку с куском сырого мяса, плавающего в небольшой лужице мутной сукровицы, и силилась сдержать подступившую тошноту. Если бы ее последний прием пищи не состоял из маленькой порции фруктового салата, который она ела еще на завтрак, то, скорей всего, ее бы сейчас стошнило, но так как желудок был совсем пуст, то вид сырой плоти неизвестного животного только вызвал легкое головокружение.

– Вы что, действительно думаете, что я стану есть кусок сырого мяса? – широко распахнув глаза, возмущенно спросила девушка, глядя на еле сдерживающих смех старшекурсников.

– Если не съешь, дальше дороги нет, можешь отправляться обратно на базу, – жестко, сквозь зубы процедил самый высокий юноша, стоящий по другую сторону стола.

Матвей понимал, что, скорей всего, на тарелке у Евы лежит кусок свинины или говядины, что Тарэк не стал бы рисковать, заставляя съесть кого-либо мясо дикого животного, да и убивать ежа вряд ли кто-то согласился бы. Но, что для Евы было совсем не приемлемо проглотить сырой кусок плоти любого животного, было для него очевидно. Он начал судорожно придумывать, как ее спасти от этой невыносимой процедуры. А в это время все теламоны в один голос начали монотонно выкрикивать: «Ешь, ешь, ешь...» Ева держала тарелку и не знала, как ей поступить, мысль о том, что ей одной сейчас придется пробираться сквозь темный лес и искать дорогу к базе отдыха, пугала ее еще больше, чем кусок сырого мяса. В то же время, пойдя на поводу у этих странных людей, она рисковала заразиться каким-нибудь бычьим солитёром или печеночным сосальщиком, которые могут водиться в сыром мясе, а в лучшем случае просто отравиться, эта мысль не давала ей возможности сунуть ежа себе в рот.

«Ешь, ешь, ешь...», – все сильнее и чаще слышались голоса теламонов, которые начали еще стучать ладонями по столу в такт слов. И тут Матвей столкнул огромный камень вниз со склона, сопроводив его падение громким криком: «Помогите!» – а потом быстро побежал в чащу, вызывая этим всеобщий переполох.

Молодые люди, назначенные Тарэком в наблюдатели, хорошо помнили свои испытания и всевозможные происшествия, которые часто случались в этом лесу во время предшествующих церемоний, поэтому, услышав крик Матвея, сразу ринулись в его сторону, зажигая свои фонарики, а Ева тем временем быстро схватила лежащий в тарелке кусок мяса и далеко зашвырнула его в кусты.

Когда вернувшиеся старшекурсники спросили, куда делся ее ежик, Ева сказала, что с большим аппетитом его съела, и хотя никто ей не поверил, другого куска ежатины у них все равно не было. Они безоговорочно пропустили Еву за красную ленту, и через несколько минут Матвей с Ланой, неожиданно вышедшие из темноты, радостно обнимали подругу, расхваливая ее молниеносную реакцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.